

ДИНАСТИЯ

Под сенью коммунистического древа

Книга первая

ЛИДЕР

Картавцев Владислав

Владислав Картавцев

**Династия. Под сенью
коммунистического древа.
Книга первая. Лидер**

«Accent Graphics communications»

Картавец В.

Династия. Под сенью коммунистического древа. Книга первая.
Лидер / В. Картавец — «Accent Graphics communications»,

Если бы меня попросили дать определение жанру, в котором написана эта книга, то я бы без всякого сомнения определил его, как «фантастика». И это несмотря на то, что здесь Вы не встретите ни зеленых человечков, ни мощных бластеров, выстрелами сметающих все на своем пути, ни даже просто космических кораблей, караванами летящих в сторону «Альфа Центавра». В «Династии» – буду называть книгу коротко, ничего этого нет. Зато здесь масса смеха и масса сцен, относящихся к категории «18+». Что говорит о том, что детям и незрелым подросткам ее читать не рекомендуется. Так почему же, все-таки, фантастика? Дело в том, что ничего из изложенного в книге никогда не происходило (ну, или почти никогда), и все возможные совпадения полностью случайны, и все персонажи выдуманы, и не стоит их искать в толстых биографических справочниках или (упаси, боже!) даже в сети Интернет. И если у кого-то вдруг возникнет желание подать на автора в суд (мало ли, могут ведь найтись люди, которые всерьез начнут дискутировать с автором по вопросу мировоззрения его выдуманных героев), то пусть сразу пишет заявление на мое имя, как на автора-фантаста, что сделает мне честь. И в завершении. Я желаю Вам приятного чтения, и если Вам понравится мое творчество, то приглашаю Вас приобрести еще мои книги, коих, поверьте на слово, изрядное количество.

© Картавец В.

© Accent Graphics communications

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть первая. Наш паровоз вперед летит	7
Глава 1. Сопротивление	7
Глава 2. Победители	21
Часть вторая. Дела семейные	35
Глава 1. Приют большевика	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Картавец Владислав
Династия
Под сенью коммунистического древа
Книга первая. Лидер

От автора

Если бы меня попросили дать определение жанру, в котором написана эта книга, то я бы без всякого сомнения определил его, как «фантастика». И это несмотря на то, что здесь Вы не встретите ни зеленых человечков, ни мощных бластеров, выстрелами сметающих все на своем пути, ни даже просто космических кораблей, караванами летящих в сторону «Альфы Центавра».

В «Династии» – буду называть книгу коротко, ничего этого нет. Зато здесь масса смеха и масса сцен, относящихся к категории «18+». Что говорит о том, что детям и незрелым подросткам ее читать не рекомендуется.

Так почему же, все-таки, фантастика? Дело в том, что ничего из изложенного в книге никогда не происходило (ну, или почти никогда), и все возможные совпадения полностью случайны, и все персонажи выдуманы, и не стоит их искать в толстых биографических справочниках или (упаси, боже!) даже в сети Интернет.

И если у кого-то вдруг возникнет желание подать на автора в суд (мало ли, могут ведь найтись люди, которые всерьез начнут дискутировать с автором по вопросу мировоззрения его выдуманных героев), то пусть сразу пишет заявление на мое имя, как на автора-фантаста, что сделает мне честь.

И в завершении. Я желаю Вам приятного чтения, и если Вам понравится мое творчество, то приглашаю Вас приобрести еще мои книги, коих, поверьте на слово, изрядное количество.

Пролог

В коридорах здания Государственной Думы на Охотном Ряду было малоллюдно. Нижняя палата Законодательного Собрания должна была собраться на свое первое заседание только через неделю, и депутаты-старожилы, вновь переизбранные на новый срок, пока не спешили возвращаться в родное здание из отпусков и регионов. Чего нельзя было сказать о новеньких, свежеиспеченных счастливицах, получивших заветный мандат, поднимающий их почти на самый верх государственной власти. Они-то, как раз, с нетерпением ждали начала работы, чтобы сразу влиться в тот или иной комитет и с пылом, и с жаром наброситься на гигантский воз проблем, накопившихся с прошлых лет.

Сейчас один из них – молодой депутат от одной из партий левого толка – с интересом рассматривал свой кабинет, расположенный в левом крыле здания Государственной Думы. Это было стандартное помещение – небольшого размера, со стандартным ремонтом и не менее стандартной мебелью. И все же, заветная табличка с именем депутата на двери кабинета, делала его совершенно особенным и наполняла гордостью сердце молодого человека.

Он осторожно открыл дверь и, почему-то затаив дыхание, вошел внутрь. Отодвинул жалюзи и посмотрел в окно. Внизу было все, как обычно: куда-то по своим делам мчались машины, деловито сновали пешеходы, офицеры ГИБДД регулировали движение, но чаще ловили нарушителей и выписывали им штраф, молодые люди пили пиво и целовались на морозе с не менее молодыми девушками, а голуби оккупировали тротуары в поисках крошек хлеба – словом, город и страна жили своей обычной жизнью, совершенно позабыв поздравить молодого человека в столь радостный для него день. День его нового персонального кабинета в Государственной Думе!

Молодой человек немного постоял возле окна, медленно прошелся туда-сюда от двери и обратно, потом сел в кресло и сладко потянулся. Сейчас он был похож на породистого кота, который только что полакомился чудесной на вкус фермерской сметанкой, запил натуральными сливками и теперь имеет полное право отойти ко сну, чтобы насладиться заслуженным отдыхом.

Мы, конечно, не можем утверждать никак, что все молодые депутаты похожи на котов, поскольку совершенно не хотим навлечь на себя гнев власть предержащих, но именно вот этот депутат был похож – как ни крути. Мало того, он был похож на кота голубых кровей – с сертификатами происхождения, медалями и вязкой по науке, от которой рождается поколение, действительно достойное продолжать породу. Его папа был настоящим альфа-самцом, а мама – но, впрочем, не стоит о ней говорить, потому что у людей – в отличие от животных – мам не выбирают, а принимают, как есть. И обычно одного папы бывает достаточно.

Молодой человек посидел немного, потом встал, медленно вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. На первый раз будет достаточно: он еще успеет обжить свое депутатское пространство – мало того, оно, наверняка, еще ему надоест. Или нет? И могут ли вообще надоест атрибуты власти?

Ответ на этот вопрос каждый ищет сам для себя, а мы же, тем временем, оставим молодого человека наедине со своим триумфом и вернемся назад, и начнем свое повествование задолго до этого дня.

Часть первая. Наш паровоз вперед летит

Глава 1. Сопротивление

Двадцать семь лет назад (а мы с Вами, дорогой читатель, живем сейчас, как известно, в 2014 г. от рождества Христова) в обычной московской семье (не мажоров, не кооператоров, не членов (многочленов) ЦК КПСС) родился обычный русский мальчик, которого назвали Андрюша. Или Андрей Иванович Капитонов, если читать запись в книге ЗАГС о рождении. И дата рождения – 25 декабря 1987 г.

Отец Андрюши – Иван Иванович Капитонов – работал простым инженером в одном закрытом НИИ (ну, допустим, не простым, а уже руководителем проекта), а мама – Мария Тимофеевна Капитонова (в девичестве Олейникова) – учительницей в московской средней школе, где преподавала русский язык и литературу.

Следует сразу заметить, что с рождением Андрюше не сильно повезло – конечно, родители были очень добрые и очень хотели ребенка (потому что были уже немолодые, а рождение первенца затягивалось), но времена на дворе стояли смутные, и в жизни не было никакой определенности. Вернее – не так. Она пока еще была – но из всех щелей уже бил свежий ветер перемен, причем основная масса населения никак не могла понять, к чему они приведут.

Так вот, когда Андрюша родился, практически повсеместно наступила разруха. Вдруг внезапно с прилавков магазинов исчезло вообще все – и куда подевалось, было совершенно неизвестно. Зато на рынках и в коммерческих ларьках царил изобилие – только по ценам раза в три дороже. Или даже в пять.

Разруха в одном месте с одновременным изобилием в другом назывались: «Честными рыночными отношениями», хотя, что в них было честного, мало кому понятно даже сейчас. Не говоря уж о том времени. Поэтому вместо «Честных рыночных отношений» старались использовать другие синонимы, например: «Ускорение», «Перестройка», «Хозрасчет», «Продразверстка». Простите, «Продразверстка» – это чуть-чуть из другой области. Но не суть.

Так вот, когда в одном месте все пропало, а в другом все появилось (а у Капитонова Ивана Ивановича и его супруги родился сын – вернее, супруга родила, а Капитонов участвовал), то обнаружилось, что Андрюшу кормить нечем. Конечно, не стоит мазать одной сплошной мрачной краской жизнь в то время – работали государственные учреждения, ясли, детские сады, молочные кухни – так что Андрей от отсутствия еды не страдал, но вот весь остальной ассортимент сузился до воистину спартанских самоограничений – и особенно с новыми кооперативными ценами на все. И апофеозом всего этого стало отсутствие элементарных продуктов в магазинах, и это – в Первопрестольной!

А поскольку супруги Капитоновы были честными служащими и примерными членами общества, ни о чем таком противоправном (например, не уплатить положенную по закону пошлину за торговлю белковой черной икрой возле «Детского мира» под видом паюсной) не могло быть и речи. Вследствие чего скоро в доме (квартирке о двух комнатах на улице Подбельского) стало просто нечего кушать.

Что сказать – отец семейства сильно переживал и на чем свет крыл всех подряд в правительстве, ЦК, Моссовете и т. д., полностью возлагая на них вину за свалившиеся на него лично и его семью несчастья. Мама же терпеливо молчала, ходила на работу и успевала управляться с сыном (благо, помогали две бабушки на пенсии). Но вскоре ее терпение лопнуло (к тому времени сынок уже немного подрос, а изменения в стране значительно ускорились), и она написала заявление об увольнении и подалась в коммерсанты.

Это ее решение оказалось спасительным для семьи. Маме повезло – у нее была подруга детства, которая всю свою жизнь прослужила бухгалтером в каком-то мутном тресте, но теперь устроилась в свежеепеченную коммерческую контору на паях и быстро (а специалист она была действительно хороший) приобрела там вес и статус. А заодно и привилегии участвовать в наборе штата. И первым делом она позвонила маме и рассказала ей о многообещающих перспективах работы на себя (в смысле, мамы – на маму же). Мама поначалу отнеслась к идее подруги довольно прохладно (как никак, она была преподавателем русского языка и литературы, свою профессию любила и считала, что учить детей высокому – правильно и благородно), но потом, все совершенно осознанно обдумав и взвесив, решила-таки рискнуть. И не прогадала.

К ее уходу из школы отнеслись, мягко говоря, с прохладцей. Но поскольку мама не была членом КПСС (что к тому времени, конечно, уже мало кого волновало – вот то ли дело десять лет назад!), и зарплата в школе была уже совсем никуда, то директор, скрепя сердце, подписал заявление. Мама отработала еще два месяца, положенные ей по закону (признаться честно, уже безо всякого энтузиазма), и ушла на тучные вольные хлеба.

По сравнению со скудным школьным пайком вольные хлеба оказались настоящей хлебной нивой, да к тому же еще и все в масле. Контора, куда она пристроилась продавцом всего подряд (с гордым званием ассистента коммерческого директора) торговала действительно всем, что могла достать: начиная от кабачковой икры прямо с завода и заканчивая мануфактурой в больших тюках – тоже прямо с завода. Поначалу маме было несладко – новые хозяева гоняли ее в хвост и в гриву (но благо, подружка бросалась на ее защиту, как боец невидимого фронта за невидимым гонораром), но потом освоилась и стала крутиться, как волчок, преумножая благосостояние хозяев и не забывая о себе.

В доме у Капитоновых, наконец, появилось мясо, икра и даже финский сервелат с финским же маслом «Валио». Потребкооперация в лице мамы теперь чувствовала себя человеком и осмеливалась даже изредка покрикивать на мужа, намекая, что, дескать, нечего здесь нахлебникам командовать так же, как и в старые времена. Муж, конечно, очень обижался и даже на какое-то время запил от безысходности, но (нужно отдать ему должное – он был волевой и к тому же весьма грамотный человек), вскоре опомнился и начал искать выход из поначалу казавшейся ему безысходной ситуации, в которую загнало его государство. И нашел!

Он решил податься в политику – ну, т. е. не совсем в политику, но поближе к ней. В то время это было совсем нетрудно – повсеместно все бурлило, и бурлило именно из-за политики, и кричать всласть на митингах и массовых сборищах можно было легко и свободно. Конечно, коммунисты тогда были уже немодными, но папа – член КПСС в отличие от мамы – не смог перебороть себя и решил до конца сражаться с резко поднимающей голову гидрой свободного антинародного рынка. И примкнул к партиячке в родном НИИ, руководитель которой так и говорил: «КПСС уйдет, а коммунисты будут жить всегда!». И руководитель оказался в итоге прав. Но пока что папа подвизался там просто одним из идейных борцов, что, впрочем, придало ему силы продолжать жить дальше с надеждой на светлое будущее.

Но тут грянул гром, и Союз Советских Социалистических Республик как-то сразу и очень тихо перестал существовать. И его никто не оплакивал. В жизни семьи Капитоновых (как, впрочем, и в жизни почти всех семей на пространстве бывшего СССР) наступили значительные перемены. И это еще слабо сказано – жизнь поменялась так, что жить стало почти невозможно. И если бы не мама со своей конторой, где она к тому времени уже стала старшим менеджером, то было бы совсем плохо.

Мамины деньги до поры, до времени оберегали Андрюшу и мужа Ивана Ивановича – за что им честь и хвала. Однако появились нюансы – мама почему-то вдруг сильно охладела к папе и чуть ли не начала говорить ему в лицо всякие гадости (что для бывшей учительницы русского языка и литературы было верхом эмоционального надлома). А потом вообще хлопнула дверью

и, оставив напоследок на тумбочке возле двери энную сумму денег, которой могло хватить на пару месяцев, ушла восвояси. Как потом выяснилось – к коммерческому директору, который был старше ее на пятнадцать лет и только что выгнал из дома свою прежнюю и порядком поднадоевшую ему жену.

Папа был в шоке. Он смотрел на деньги, потом на себя в зеркало, потом на маленького Андрюшу, который как ни в чем не бывало игрался с дешевыми китайскими пластиковыми солдатиками, и напряженно думал, каким образом ему выжить самому и еще вырастить сына. Но вариантов было совсем немного – ровно два: идти или в бандиты, или в политику. Подставлять голову под пули совсем не хотелось, поэтому выбор произошел сам собой – Иван Иванович Капитонов отныне становился идейным борцом за только что потерянные коммунистические ценности под звон монет презренного металла.

К тому времени партиячейка в его НИИ сама себя расформировала (да, честно, и сам НИИ откровенно дышал на ладан), но у папы сохранились все необходимые связи, телефоны, явки и адреса, и вскоре он органически влился в разношерстную толпу все еще недобитых либералами коммунистов, размахивающих красными флагами на Васильевском спуске.

О, там было на что посмотреть! Васильевский спуск в те жаркие дни был подобен микрофилиалу февральской – тире – октябрьской революции 1917 г. Конечно, размах был не тот, да и контингент подкачал (а потому что перевелись brutальные матросы в черных бушлатах и кожаных португепях с маузерами, потому что сгнули в лету революционные сознательные солдаты в лаптях, подвязанных лыком, и в сбитых сапогах). А вот их-то мощной поддержки как раз и не хватало! А без поддержки вооруженного крыла что могли сделать все эти красные горлопано-главари? А ничего. Поэтому весь их крик и ушел просто в свисток (в отличие от 1917 г.)

Но Иван Иванович, приняв решение податься в политику, проявил на сем поприще себя весьма достойно и вскоре имел репутацию очень острого на язык и не лезущего в карман за словом оратора. Он не чурался выступать, пылко дискутировал с оппонентами (особенно на голодный желудок), и так упоенно доказывал, что капиталистам не место на планете Земля, и поэтому нужно срочно идти свергать их власть, что многие верили, соглашались и умильно начинали еще сильнее махать красными флагами.

Но, чур, небольшое отступление. Вы когда-нибудь обращали внимание, что у всех вождей коммунистического движения всегда красные лица? Под стать знаменам. И только краснотой лиц они и отличаются от уважаемых буржуазных или даже – не побоимся этого слова – демократических политиков. Все остальное – ну, ровно то же самое. И шикарные лимузины, и добротные английские костюмы, и русские красавицы-модели в эскорт-сопровождении. И даже самолеты с яхтами у них одинаковые. Но лица – разные. А все потому, что сознательные товарищи должны наглядно соблюдать разницу здесь и там.

Вот представьте себе, ну, не было бы красных лиц у вождей! И что тогда делать, как быть? Как отличить друга от врага? Ответа нет, да и быть не может, и остается только гадать и надеяться на успех.

Зато если красные лица есть, то можно всегда сказать, что они (лица) красные всегда (и были, есть и будут), потому что им стыдно при взгляде на те социальные несправедливости, которые творятся повсюду в отношении угнетенного трудового народа. И, дескать, чтобы исправить положение, нужно все взять и поделить. И тогда можно и про свои денежки не рассказывать, а просто валить все на проклятых эксплуататоров. И тогда не придется отвечать на вопросы, потупив глазки и осторожно ковыряя пальчиком по ладошке, а отчего это и Маркс, и Энгельс, и даже сам товарищ Ленин страсть как любили все эти курорты на водах в центре Европы, помпезные отели в Альпах и хрустящий багет с маслом и рюмочкой настоящего неподдельного коньячку-с по утрам? А только призывали всех других идти и крушить и отбирать заводы с пароходами. А потому что злило их не наличие заводов-пароходов и шахт с руд-

никами вообще как таковых, а то, что они принадлежат не им. Поэтому и выработали они новые принципы честного отъема собственности и денег для собственных нужд.

Но, впрочем, мы отвлеклись, а посему продолжим. Так вот, Иван Иванович, не будь дураком, через некоторое время заметил, что чтобы сделать настоящую карьеру в рядах коммунистических товарищей, нужно обязательно и всенепременно обзавестись красным лицом. Молодец – догадался, а все потому, что имел за плечами фундаментальное техническое образование и структурированный логический подход! Иван Иванович пришел к выводу, что более никакой цвет лица, помимо красного, не вызывает в сознательных массах положительных ассоциаций. Посудите сами: синий – как у алкашей, зеленый – это точно после перепоя, серый – здесь уже дело пахнет белой горячкой, а про желтые, фиолетовые и другие тона можно с уверенностью сказать только одно – либо человек, стоящий перед вами, болен, либо еще что, не менее скорбное.

Поэтому выбор хоть и существовал, но был весьма ограничен и заключался только в одном – красный, и никаких гвоздей! И Иван Иванович приложил массу усилий, чтобы стать обладателем настоящего красного лица. Он усердно экспериментировал – пробовал кремы и краски (гуашь была хороша, но цвет щек выглядел несколько неправдоподобным), пробовал натирать шею силикатным кирпичом и даже хотел несколько раз ошпарить самого себя кипятком, чтобы все было по-настоящему. Но вовремя одумался, зато начал чуть ли не каждый день ходить в баню, надеясь, что если долго и постоянно париться, цвет лица постепенно станет окончательно красным, а не будет белеть буквально через десять минут после банных процедур. Но и баня не помогла.

Выручила Ивана Ивановича природная смекалка советского инженера – он просто стал перед каждым своим выступлением перед соратниками по борьбе натирать нос, шею, щеки и подбородок свежеснеженным снегом – благо, пролетарские митинги всегда происходят зимой, потому что вожди пролетариата летом отдыхают в Лозанне, Берне и на Лазурном берегу – или подмерзшим настом. Кстати, наст оказался великолепен! Отличный природный доступный инструмент для придания правильного цвета лицу! После его применения лицо, шея, нос и все остальное багровели и начинали дышать лютой пролетарской краснотой, и Иван Иванович соколом взлетал на самодельную трибуну, поднимал высоко над головой знамя с изображением Ленина и начинал ораторствовать.

В то время его кумиром был Лев Давидович Бронштейн, более известный, как товаг'ищ Троцкий. Конечно, Иван Иванович был не во всем с ним согласен (например, в вопросах революционного террора он бы мог с ним поспорить), но вот ораторское искусство Льва Давидовича оценил по достоинству. Как известно, Лев Давидович в свое время если и всходил на революционную трибуну, то спускался с нее только тогда, когда его самый последний слушатель-скептик был полностью убежден, что все, сказанное Львом Давидовичем, есть сущая правда, и нужно идти прямо сейчас насаживать буржуинов на штыки.

Иван Иванович был до того захвачен мыслями и идеями своего кумира, что даже не поленился и прочитал несколько книг с оригинальными текстами выступлений товаг'ища Троцкого – как-никак, в свободной стране можно было купить все, что пожелаешь, и даже оригинал того самого ледоруба, которым Льва в итоге и кокнули. И начал применять на практике полученные знания. С каждым своим выступлением его умение заводить массы росло. Он стал чувствовать себя раскованно, полюбил, когда на него смотрят снизу, и даже начал внедрять в сознание трудящихся некоторые новые тезисы революционной борьбы, которые придумал самостоятельно.

Следует заметить, что в его выступлениях было много личного – рана, нанесенная предательским уходом жены к какому-то новоявленному коммерческому нуворишу, пылала в душе незаживающей раной – и Иван Иванович не жалел слов, описывая бесконечные мерзости и гнусности, которые позволяют себе откормленные жирные буржуины, дабы высосать послед-

ние соки из трудового народа. Когда же речь заходила о возможном возмездии, то тогда Ивана Ивановича было и вовсе не остановить – его, как говорится, несло.

Он вскидывал в экзальтированном порыве обе руки над головой, сжимал кулаки, и его лицо наливалось настоящей красной краской, делаясь еще более пролетарским, чем прежде. И зрители, и слушатели зачарованно замолкали, в душе гадая, выдержит ли он такое напряжения и не взорвется ли прямо сейчас, не сходя с места? Но он не взрывался, а только громко выдыхал (а вместе с ним выдыхали и все окружающие) и начинал по-настоящему свирепствовать. Десять казней египетских были совершенно ничто по сравнению с теми проклятиями, которые он обрушивал на голову ни в чем неповинных коммерсантов, и если бы они его слышали, то тут же убежали бы из страны, бросив собственность, и залегли бы на дно где-нибудь в Мексике, устранившись праведного пролетарского гнева а la Иван Иванович.

Но коммерсанты были слепы и глухи и иммигрировать не торопились, но зато Ивана Ивановича слышали те, кому надо. А именно – настоящие вожди, сосредоточившие в своих руках бренд под названием «коммунистическое движение».

То было время нового партийного строительства. И строителям ох как нужны были талантливые ораторы и организаторы (а если еще и идейные, и не за деньги – то вообще отлично). В один из дней, когда Иван Иванович только закончил говорить и спустился с трибуны, к нему подошел человек в кепке, представился Сергей Сергеичем и пригласил его завтра прийти ровно в девять утра в главный штаб народного сопротивления буржуазной хунте. С целью пройти кастинг. Иван Иванович, не раздумывая, согласился. Быть при штабе всегда было его заветной мечтой, поскольку к тому времени, начитавшись революционной литературы, он хорошо знал, что весь гешефт от любых начинаний всегда достается отцам-командирам, снабженцам и штабным, а все остальные довольствуются возможностью всласть покричать и потопать кирзовыми сапогами.

На следующее утро ровно в полдевятого он уже был в штабе, который располагался в уютном просторном подвале на Красной Пресне. Его порадовало, что все товарищи уже были в сборе, но ему все же пришлось ждать вышеозначенного времени, поскольку партийная дисциплина была жесткой и очень строгой, а время с полдевятого до девяти утра отводилось под хоровое чаепитие товарищей, и они никак не могли им пожертвовать – даже ради Ивана Ивановича.

Маленькое отвлечение: к моменту приглашения Ивана Ивановича в штаб прошло уже довольно много времени с момента подлого циничного побега жены, и ее деньги давно уже кончились. В доме наступила настоящая разруха, обремененная бесконечными навязчивыми долгами, и Иван Иванович был вынужден отдать наследника Андрейку на попечение деду с бабкой. И правильно сделал, а то неизвестно, что произошло бы с мальчиком. И вследствие переезда Андрейки на квартиру к бабушке и дедушке, в скором времени он уже почти окончательно забыл, как выглядит его мама, предававшаяся нескончаемым плотским утехам на шелковых перинах с жирным коммерсантом, и папа, который увлеченно и с огоньком делал партийную карьеру.

Андрейка рос очень подвижным и любознательным ребенком. Он рано начал говорить и проявлял видимый интерес к толстым без картинок и тоненьким (зато с картинками) книжкам. Обычно он брал их вверх ногами или задом наперед и увлечено перелистывал, пытаясь прояснить для себя аспекты творчества Блока, Окуджавы и Теодора Драйзера. У родителей Ивана Ивановича – Ивана Афанасьевича Капитонова и Марии Харитоновны Капитоновой (в девичестве Забористой) – была огромная даже по меркам самого читающего на тот момент народа библиотека, и они целиком и полностью поддерживали увлечение внука.

Однако кроме книг в доме почти ничего не было. Андрейкины дедушка и бабушка еле сводили концы с концами на свои скудные пенсии, и им приходилось постоянно искать подработку. Мария Харитоновна давала уроки французского языка отпрыскам богатых бизнесменов

и вороватых чиновников – к тому времени новые богатеи и чиновничья каста, разжиревшая на распродаже бывшего народного имущества по бросовым ценам, уже вошли в силу и пытались выставить своих чад в качестве наследников вновь образованной российской элиты, а чадам требовался французский.

Ну, а Иван Афанасьевич просто бомбил на своем «Жигуленке», подвозя людей по утрам до метро или по ночам из клубов домой. Как-то раз ему предложили работу курьером при одной коммерческой конторе, и он, подумав совсем немного, согласился. Однако долго там не удержался – от постоянного напряжения прихватило сердце, и он уволился, и, чуть-чуть подлечившись, вновь принялся заниматься частным извозом.

Но главной заботой Ивана Афанасьевича и его благовоспитанной супруги был все же именно Андрейка. Бабушка любила подолгу смотреть на него и умиляться – ребенок был очень бойким, для мальчика – красивым, и живо интересовался разнообразным печатным творчеством, что только попадалось ему под руку. И бабушка надеялась, что он вырастет умным, начитанным и, главное – счастливым. Правда, иногда она его жалела – особенно, когда вспоминала (и часто!) своего непутевого сына и бывшую невестку, так подло с ними – сыном и внуком – поступившую.

Зато Иван Иванович (сын) вспоминал о своих родителях только тогда, когда у него заканчивались деньги, которые они ему и давали. Сам он пока ничего не зарабатывал (да и не считал нужным, поскольку главным было восстановление поруганной справедливости и карьера в партии), а посему полностью зависел от родителей, которые мало того, что тянули внука, так еще и великовозрастного сына – чтобы тот внезапно не протянул ноги от голода как раз под революционным красным стягом.

Мама Ивана Ивановича даже несколько раз пыталась поговорить с ним, тонко, прозрачно, а потом все более весомо и напористо – иногда от избытка чувств переходя на чистый парижский диалект – намекая, что их внук растет без отца, а сам отец не прилагает никаких усилий для того, чтобы в доме была хоть одна крошка хлеба, и что вскоре он сам покраснеет уже окончательно от своих утопических коммунистических идей. Но сын был чистый кремь и не поддавался на уговоры меньшевиков и соглашателей в рядах семьи, шурился на маму презрительным прищуром, вскидывал гневно подбородок, но сдерживал язвительные слова, готовые сорваться с языка, молчал, потом, тяжело дыша, вставал и хлопал дверью – и вновь появляясь только тогда, когда заканчивались деньги.

Но один раз он заявился к родителям, сияя, как полноценный медный пятак императорской чеканки (весом более шестнадцати граммов – не то, что советский – всего пять), с бутылкой Советского Шампанского (при царях отечественное тоже было – например «Новый Свет») и целым ворохом разнообразных красивых банок, бутылок, упаковок сыра, нарезки и заграничных овощей из супермаркета.

Сказать, что родители опешили, было не сказать ничего! Мама часто-часто переводила взгляд с сына на пакет с продуктами, потом опять на сына, а потом опять на пакет. Затем всплеснула руками и, подлинно просияв, схватила продукты и понесла их на кухню, стора от нетерпения разузнать подробно, что же произошло, и не устроился ли ее блудный сын на нормальную работу, приняв новые капиталистические правила новой капиталистической игры. За ней следом ковылял дед, который только что вернулся домой с честно заработанными деньгами за извоз обеспеченных жителей новой России, и который сейчас предвкушал душевное и долгое застолье.

Они быстро сообразили стол, а пока дедушка с бабушкой шурились на кухне, отец пошел повидать сына, выразив желание с ним даже поиграть. Надо сказать, такое с ним бывало нечасто – он не считал себя обязанным тратить время на какие-то неинтересные игры, в то время как дело мировой революции только-только начинает набирать обороты. Позанимавшись с сыном и дождавшись, пока мама кликнет на кухню, Иван Иванович подхватил Андрейку и усадил его

вместе со всеми за праздничный обеденный стол. Сын обязательно должен был присутствовать при его триумфе – поскольку такие события в жизни человека случаются не так чтобы очень часто.

Мама от нетерпения узнать, что же произошло, уже почти совершенно превратилась в тлеющую головешку, зато папа – в смысле дедушка Иван Афанасьевич – не терял времени даром, достал заначку беленькой благословенной и успел отпить из нее уже изрядное количество. Так что, уже к самому началу застолья пребывал в отличном расположении духа и даже не настаивал, чтобы Иван им срочно все рассказал.

Однако сам Иван Иванович не стал долго ходить вокруг да около и с присущей ему пролетарской прямоотой поднял тост за себя любимого – отныне взятого на оклад при штабе и получившего назначение отправляться по регионам и обустраивать там региональные партийные ячейки, попутно объясняя народу все преимущества вновь сформированной, избавившейся от оппортунистов и сделавшей правильные выводы из всего происшедшего партии большевиков-коммунистов.

Услышав такую новость, мама чуть не поперхнулась колбасой, и все присутствующие (за исключением Андрейки) стали лупить ее кулаками по спине – так что ей стало еще хуже. Зато дед поднялся со стула, обнял сына и, форменно расчувствовавшись, произнес длинную речь, о том, что он всегда был на его стороне, а этих воров уже всех давно пора повесить на их же золотых подтяжках. А самое главное – что сын-то молодец – сумел-таки убедить начальство в своей нужности и верности заветам партии!

Ко времени окончания речи мама вернулась из ванной, где продыхивалась после кусочка колбасы, и объявила, что в настоящий момент ей абсолютно все равно, кто будет платить ее сыну деньги – красные, белые, зеленые или же фиолетовые человечки с Венеры – главное, чтобы денег было побольше, и платили их почаще. Потом все дружно выпили и пили весь вечер, пока в квартире не осталось ничего, чтобы могло бы и в дальнейшем поднимать настроение. Андрейка к тому времени уже спал, сам того не ведая, что отныне в его жизни начинается совсем другой период.

Нет, конечно, сразу ничего такого особенного не произошло. Отец все также появлялся один раз в месяц (или даже реже), только теперь не требовал от родителей денег (ну, ладно, не просил), но даже сам подкидывал им на пропитание – и иногда очень даже прилично. Так что, дед, наконец-то, смог отказаться от постоянно бомбления и занялся любимым делом – с утра вставал, спускался в «ракушку», где у него был маленький токарный станочек, фреза, электрорубанок, слесарный столик, сверла, ножовки и прочий инструмент, и начинал работать с деревом.

Он мастерил мебель. Он любил дерево, считал работу с ним своим единственным хобби и к пенсии уже так поднаторел, что легко мастерил столики, шкафчики, вазы, резные кашпо, статуэтки и украшения. Однажды, когда он закончил очередной столик, который получился очень красивым – тонкие изящные ножки, отполированная столешница замысловатой формы из массива, покрытая благородным темным лаком, простота линий – и принес его в квартиру, там оказался сын, который, придирчиво осмотрев отцовское творение, ни слова не говоря, подхватил столик подмышку и ушел.

На следующий день он появился и передал деду толстенькую увесистую пачку денег, объявив ему, что продал его столик, и что теперь ему нужно еще ровно двадцать точно таких же. Оказалось, в штабе Ивана Ивановича нагрузили проблемой подарка на юбилей одному из основателей партии (как только что прибывшего из регионов и пока болтающегося без дела), и он, недолго думая, предложил дедовский столик. Столик был настолько искусно выполнен (не говоря уж о том, что это настоящий эксклюзив, единичный экземпляр, ручная работа), что вождь очень ему обрадовался, оценил, и теперь все его окружение хотело точно такие же – ну, может, из другого дерева и других оттенков – что совсем непринципиально.

Дед взял пачку денег, повертел ее в руках, потом медленно сел на стул, и на его обветренном дождями и вечной непогодой лице проступило выражение вселенской скорби:

– Иван, скажи мне, а что, теперь коммунисты вот так живут?

– Ты что имеешь в виду, отец? – Иван Иванович совершенно не понял вопроса.

– Ну, дарят такие подарки, выкладывают какую-то немыслимую сумму за обычный столик, да еще и заказывают себе дополнительно двадцать штук! А я-то дурак думал, что они – за трудовой обездоленный народ, страдают вместе с ним и переносят трудности, как и положено настоящим коммунистам! А что теперь получается – а получается, сынок, что все твои коммунисты – те же самые буржуины, только с красным флагом!

Иван Иванович растерянно молчал, не понимая, отчего его отец так странно реагирует на казалось бы очень приятную и толстенькую пачечку – и, кроме того, честно заработанную. Тем временем, услышав приглушенные стелания своего мужа на кухне и заподозрив неладное, из комнаты прибежала бабушка – Мария Харитоновна Капитонова (в девичестве Забористая), которая, увидев пачку денег в руках Ивана Афанасьевича, всплеснула руками и принялась быстрой скороговоркой спрашивать то у одного, то у другого из находящихся в кухне мужчин, откуда деньги, и почему их так много?

Когда же картина прояснилась (причем дедушка все время многозначительно молчал, а Иван Иванович с жаром доказывал, что сие есть деньги трудового народа, добровольно отданные им в виде пожертвований, чтобы морально поддержать лидера партии), бабушка радостно захлопала, выхватила из руки мужа наличность и унесла ее в комнату, где и запрятала в шкафу между мужниных семейных трусов и старых рубашек, в которых он еще сорок лет назад ездил на комсомольские стройки.

Когда же она вновь вернулась, то ее лицо представляло собой картину совершенного довольства, и бабушка только, что не повизгивала от радости – но, кажется, была на грани. Она притянула сына к себе, обняла его и несколько раз сильно расцеловала в щеки, приговаривая, что вот наконец-то и из него вышел толк. А нынешние коммунисты ей определенно нравятся – а потому что не жалеют средств и для простых столярных мастеров, а не только поддерживают голодающих Техасщины. И что теперь она – бабушка – видит, что они действительно изменились, сделали выводы из прошлых ошибок и готовы начать другую жизнь – сытых и богатых буржуа.

Пока бабушка говорила, дедушка молча слушал. Потом так же молча встал, сгорбился и тихо вышел в комнату. Достал из старенькой выдавшей вида деревянной шкатулки завернутый в обрезок хлопковой портянки партийный билет, развернул его и принялся внимательно изучать его содержимое. Это занятие отняло у него с полчаса. По его лицу трудно было понять, какие эмоции его сейчас обуревают, но потом он вдруг неожиданно гневно бросил его обратно в шкатулку (даже не завернув в портянку), громко хлопнул крышкой и задвинул ее в дальний угол – с глаз долой! И пошел на кухню пить чай.

К тому времени Иван Иванович уже ушел. Вид у него был несколько пристыженный, но через некоторое время, прибыв в штаб коммунистического сопротивления, он пришел в себя, вспомнив наставления Ильича и товаг'ища Троцкого (которые рекомендовали бить буржуинов их же оружием, использовать их же деньги против них самих и всемерно обогащать рабочую кассу, чтобы иметь возможность направить судьбу революции в нужное русло), полностью самоуспокоился и даже пришел к выводу, что много денег – это хорошо. Но только, чтобы у коммунистов! А посему в следующее свое прибытие к родителям, чтобы развеять горестные мысли деда, он решил прочитать ему лекцию о современном видении момента и полезных трактовках пролетарской борьбы народов.

После долгой и зажигательной лекции Ивана Ивановича дед попил чайку, почитал газету, попытался было посмотреть телевизор, но, наткнувшись на очередную демократическую чернуху, быстро выключил, да и пошел себе в «ракушку» мастерить столики. Как ни крути, а это

занятие было его любимым, да к тому же начало приносить деньги. А коммунизм – да и бог с ним! А Андрейка просто радовался жизни, бегал по квартире и рассматривал свои любимые книжки. . .

Вот так в делах и заботах почти незаметно пролетел и еще один год.

Как-то раз, наблюдая за внуком, бабушка решила, что пришло время обучать его чтению. Она купила ему пару красочных букварей и азбук с большими яркими картинками, и уже через неделю он выучил все буквы. После чего они вместе с бабушкой начали читать по слогам. Ровно через месяц после начала учебы Андрейка с видимым удовольствием уже бегло несся по красочным просторам букварей, громким голосом выговаривая: «Мама мыла раму» и прочие такие милые сердцу и такие знакомые бабушке фразы. В общем и целом, у Андрейки получалось очень хорошо, и уже в пять с половиной лет он мог уверенно прочесть пару страниц детского текста, напечатанного большими буквами.

Ну, а папа тем временем делал серьезные успехи. Он уже был членом координационного совета пролетарского сопротивления и отвечал за развитие коммунистической идеи в регионах. Он оброс секретарями и даже парой секретарш, которые получали зарплату в твердой СКВ, что, конечно, противоречило идеалам трудового равенства и братства, но с другой стороны, было очень приятно. Сам папа уже давно прекратил выступать на митингах (однако привычку натирать свежим снегом лицо и шею не бросил, но напротив делал это даже чаще, чем прежде – просто привык) и теперь координировал работу партячеек на местах. Он отработал животик, подобрел и приобрел привычки добропорядочного буржуа – с другой стороны, кто сказал, что коммунисты всегда должны быть похожи на голодных волков? А вскоре у него появился даже закрепленный за ним персональный автомобиль с водителем, чему и было посвящено троекратное «ура» дедушки, бабушки и даже Андрейки, который хоть и не понимал, а чему это, собственно, все радуются, но весело повизгивал, хлопал в ладоши и, громко топая ногами, бегал по квартире.

Теперь папа стал важный, как индийский набоб (махараджа, султан, любимая наложница султана) и начал учиться не разговаривать, но вещать. И вскоре-таки научился, чем сделал еще один шаг к партийному Олимпу. Его карьера шла в гору, подобно Сизифу, с той лишь разницей, что Сизиф-то бедолага напрасно старался, зато папа – вовсе нет. Автомобиль и две секретарши настолько добавили ему уважения со стороны мамы и папы, что даже дедушка Андрейки Иван Афанасьевич в конце концов поменял свое отношение к происходящему в стране и перестал вспоминать о старом режиме. Хотя иногда его так и подмывало взять бутылочку водочки (или две), выйти на улицу, созвать соседей и знакомых, устроиться на лавочке, разложить огурчики и прочую нехитрую снедь, откупорить беленькую и, сглатывая от нетерпения слюну, произнести: «Да чтоб вы все сдохли, сволочи!» и погрозить невидимым и так ненавидимым буржуинам рабочим заскорузлым кулаком.

Пролетел еще год. Вскоре Андрейка должен был пойти в школу, ну, а папа стал готовиться к выборам в Государственную Думу. Наступила решающая для будущего всего семейства пора – если коммунисты наберут достаточное количество голосов, то папа станет депутатом!

Бабушка, здраво рассудив, что сын депутат в сто раз лучше сына не депутата, стала настолько рьяно агитировать соседей, подружек, родственников и дальних родственников за советскую власть, что даже папа (что уж тут говорить про деда!) удивлялся ее энергии. Но этим она не ограничилась. Она вставала чуть свет и бежала в штаб на Красной Пресне, где числилась внештатным добровольным сочувствующим делу мировой революции, брала кучу листовок и раздавала их прохожим с таким жаром и пылом, что вскоре приобрела серьезный авторитет даже у проверенных многолетней борьбой товарищей. А в случае необходимости, бабушка могла и делом доказать преимущество коммунистического строя над гниющим капи-

тализмом – например, с помощью древка от знамени, которые многие неправильно принимали за ручку от швабры.

В итоге на Красной Пресне уже не осталось человека, который бы не получил изрядную порцию коммунистической агитации от Марии Харитоновны Капитоновой (в девичестве Забористой), а те, кто были не согласны, завидев ее, спешили перейти на другую сторону улицы – благо, Москва большая, и в ней всегда найдется место для обходного пути. Бабушке даже дали премию – в конверте долларами США, здраво рассудив, что такие люди партии нужны (опять же, папа сам лично продал ей кандидатуру на премию).

Бабушка так обрадовалась американским деньгам, что тут же побежала к деду хвастаться, что не только он один успешно влился в новую жизнь, но и она теперь тоже будет при деле.

В связи с успешной карьерой боевой бойцовской коммунистической единицы-общественницы бабушка забросила занятия с внуком, который к тому времени уже закончил детский сад и пошел в первый класс. Нужно заметить, что учился он чрезвычайно легко и среди своих сверстников отличался недюженными способностями. Каждое утро он шел вместе с дедушкой в школу и там набирался знаний, пока не кончались уроки, и дедушка не забирал его домой.

Дома Андрейка почти всегда оставался один (дед в гараже мастерил мебель, бабушка агитировала за коммунизм с новым сытым человеческим лицом, а папа разглагольствовал перед партактивом и занимался необходимой бюрократической работой), а посему, не мудрствуя лукаво, читал все подряд. Он вместе со своими любимыми героями плыл на белоснежном паруснике вокруг света, воевал с кровожадными индейцами-гуронами, которые только и делали, что пытались отравить жизнь честным и безобидным белым колонистам с запада, отстреливался от фашистов в окопах Великой Отечественной и покорял космос вместе с Белкой и Стрелкой. За неимением рядом с собой живых людей Андрейка чрезвычайно быстро учился самостоятельности, а живое общение ему заменяли книги.

Времена на дворе стояли особенные – когда прошлое уже окончательно сгинуло, а светлое будущее еще не наступило. И в плане человеческого общения постепенно все становилось независимыми и отстраненными, а Интернет с его социальными сетями (коих в ту пору еще и не существовало) только-только делал первые шаги к завоеванию мира. Общество переживало великую социальную и технологическую трансформацию, и на смену одному образу жизни приходил совершенно другой.

В государстве, между тем, события развивались с поразительной быстротой. Вокруг, в основном, все занимались разграблением прошлого наследия и насильственным перераспределением разграбленного. Уже остался далеко позади демократический расстрел из танков дома правительства, после чего он из Белого превратился в черно-белый, подходило к концу время работы Государственной Думы первого созыва, и новоявленные нувориши уже явили россиянам чудеса западной технологической мысли в виде шестисотых «Мерседесов» и тяжелых золотых часов, усыпанных бриллиантами.

Вскоре должны были состояться судьбоносные выборы папы в Думу второго созыва. Работы было невпроворот, и поэтому ни папа, ни бабушка возвращаться в семью пока не собирались. Тем временем наступила очередная осень, и Андрейка пошел во второй класс, а рядом с ним по-прежнему оставался только его дед. Да и тот уделял ему не слишком много внимания – в школу, конечно, водил и забирал, обеды и ужины тоже готовил – невкусные из пакетиков, либо «Доширак» и тому подобное. Все оставшееся время дед был занят – он трудился над неотложными партийными заказами – поточным методом изготавливал красивые деревянные резные наличники на окна деревенских домов, с помощью которых коммунисты подкупали доверчивых крестьян, обещая им новый и гораздо более успешный виток жизни при коммунизме – если они за них проголосуют.

Бабушка Мария Харитоновна теперь возглавляла целый отдел, который за глаза называли «Бешеными бабками». Отдел специализировался на полубоевых операциях и занимался контртеррористической борьбой против конкурентов, которые нет-нет да и пытались очернить светлое имя коммунистических лидеров и их идей. Если таковые появлялись, то несколько сотен общественных активистов из числа обездоленных пенсионеров под предводительством специально обученных боевых бабок выдвигались к их офисам, представительствам, фондам и филиалам, перекрывали подъездные пути, устраивали митинги и блокировали здания, а если получалось – то организовывали и «народные» погромы с воплями, истошными подвываниями и размазыванием слез по щекам. В конце концов об этих проделках бойцовских бабок пошла такая слава, что «демократические» конкуренты коммунистов (а здесь мы берем это слово в кавычки – потому что, конечно, ни о какой демократии не могло быть и речи) вынуждены были созвать конкретный авторитетный сходняк, на котором собрались все партийные бонзы с той и с другой стороны и порешали уладить дело миром, договорившись, что выборы пройдут честно, гладко и без явных и бросающихся в глаза подтасовок. Ну, по крайней мере, договаривались именно так, а уж как там было на самом деле – то дело десятое.

В то время политические силы коммунистов и их противников были примерно равны – если за первыми стояли широкие народные массы, алчущие красивых деревянных наличников и социальной справедливости, то за последними – свободная молодежь, которая уже не хотела идти горбатить на заводы (а потому что горбатить на капиталистов – разве ж за это боролись?), а хотела свой бизнес – ну, и, собственно, сами капиталисты, которые не жалели денежных средств, чтобы защитить с таким трудом заработанную или украденную ими собственность. Но, конечно, деньги-деньгами, а таких бойцов, как Мария Харитоновна и ее истребители демократов, у этих самых демократов и в помине не было, так что им пришлось смириться, что коммунисты тоже имеют право на честные выборы (ну, или на их видимость).

Благодаря маме (Марии Харитоновне) и собственным способностям, папа Андрейки (Иван Иванович) приобрел в партии серьезный авторитет и уже считался пятой по значимости фигурой в коммунистической среде Новой России. Первым шел бессменный вождь и учитель, вторым – главный идеолог и инквизитор (большинство еще помнило Суслова, так вот – этот был почти таким же, но, конечно, возможности были несравнимо меньше), третьим – главный спонсор (идеологически правильный олигарх из бывших силовых структур, до сих пор сочувствующий несбыточным идеям коммунизма), четвертой – любовница одновременно олигарха и самого вождя (уж больно красивая была женщина – конфетка, мечта, Нефертити!), ну а пятым – папа Иван Иванович. Хотя, конечно, правильно будет так: пятой была связка папа – бабушка. Совместно они отвечали за силовое прикрытие и за связь с регионами, и их вес был почти таким же, как и у любовницы вождя/олигарха.

Соответственно, и денежное вознаграждение папы-бабушки было до такой степени внушительным, что семья теперь уже вообще ни в чем не нуждалась – ну, разве что только в улучшении жилищных условий. Решение проблемы со строительством нового дома для папы и покупки новой квартиры улучшенной планировки для бабушки было поручено дедушке, а в помощь ему отправили разбитного малого по фамилии Рабочев, что заведовал по хозяйству при штабе коммунистического сопротивления. Рабочев оказался на редкость сметливым и пронырливым молодым человеком – благо, что фамилию носил настоящую пролетарскую – и мог совершенно без чьей-либо помощи втереться в доверие, очаровать и получить самые выгодные условия в любой сделке. Папа лично инструктировал его, прежде чем отправить решать личные проблемы семьи, так что Рабочев уже примерное знал, что от него хотят.

Он сразу взял инициативу в свои руки, но всегда на все переговоры брал с собой дедушку, как члена семьи, который хоть и был страшно недоволен, что его отрывают от станка, вынужден был смириться. А под конец даже привык и страшно радовался, когда Рабочев представлял его, как хозяина, а себя самого – как его личного секретаря. В конце концов, дедушка так

вжился в роль полноценного нового русского, что стал требовать от сына персональный лимузин, разгоряченно доказывая, что мотаться по риэлтерским конторам на видавшей виды рабочей лошадке Рабочева лично ему совсем не с руки. Но был быстро спущен с небес на землю и больше уже о персональном лимузине пока не заикался.

Приближались выборы, и все вокруг Андрейки были жутко заняты. Папе Ивану Ивановичу даже пришлось хорошенько задуматься о няне для своего сына, которая бы заботилась о нем, готовила ему еду и отводила в школу.

В то смутное время рынка нянь почти не существовало, хотя спрос на их услуги устойчиво рос из года в год. И не только на нянь – но и на домработниц, гувернанток, садовников, чернорабочих по дому, личных водителей и т. д. И уже появились агентства, которые помогали состоятельным дамам и господам подобрать аккуратную, честную и исполнительную прислугу на длительный срок – и непременно с рекомендациями. Сначала папа хотел обратиться именно в такое агентство, но потом здраво рассудил, что товарищи по партии могут не понять (особенно, если кто-то вдруг сболтнет лишнего о его буржуазных замашках), и решил прежде поискать среди родственников.

Идею найти Андрейке достойную молодую няню тут же подхватила бабушка – Мария Харитоновна. Она даже взяла на работе отгул, оставив вместо себя не менее крикливую, чем она сама, заместительницу Алефтину Альцгельмцгольцевну из крестьян (правда – только на один день!), и села за телефон. Перед ней лежал длиннющий список родственников, друзей и знакомых, среди которых могли найтись желающие подработать в Первопрестольной няней в хорошей семье, и она принялась звонить.

Несмотря на то, что начала она прямо с утра – а уже близился вечер – результата все еще не было. Никто не хотел идти в услужение – хотя и оплата труда, и условия предлагались весьма сносные. И вот, когда Мария Харитоновна уже подумывала обратиться-таки в агентство (но только не от своего имени, а через ее хорошую подругу, проживающую на другом конце Москвы), удача повернулся к ней лицом. Ей позвонила ее дальняя родственница с Украины (хотя сама Мария Харитоновна даже и не знала ее телефонного номера – сарафанное радио в действии?) и попросила пристроить свою племянницу (очень чистую, умную и хорошенькую девушку девятнадцати лет от роду) к себе няней.

Мария Харитоновна выслушала предложение родственницы, взяла у нее номер телефона и обещала перезвонить. И думала до утра. А утром пришла к выводу, что такой вариант ее вполне устраивает. Тому было несколько причин. Первая – на дворе тогда стояли времена только-только постсоветские, и в России к молоденьким девушкам с Украины все еще относились без всякой задней мысли и предубеждения. Вторая – девушка была не совсем чужая, провинциалка, а значит, без излишних претензий, да к тому же, наверняка, с какого-то хутора, а потому готовить, стирать и убирать умела. Что было очень кстати: Мария Харитоновна постепенно и сама подумывала, чтобы нанять себе прислугу – и не только в качестве няни для Андрейки (а самой уже окончательно уйти в политику). Третья причина была финансовая – все-таки, молоденькая девушка с Украины не потребует за свою работу много денег – а если предложить ей жить у них, столоваться за общим столом и, в общем, почти взять в семью, так и тратиться почти не придется.

Но Мария Харитоновна все же не была такой самонадеянной, чтобы приглашать няню сама, а испросила разрешения у сына, который появление в доме молоденькой девушки – дальней-предальной родственницы – воспринял как-то очень легко (бабушке показалось, что даже как-то подозрительно легко и радостно). В общем, решение было принято, и девушке с Украины был дан зеленый свет.

Пока проблема с новым жильем не была окончательно решена, семья располагала на всех членов двумя квартирами: старая двухкомнатная папина «хрущевка» на улице Подбельского и такая же старая трехкомнатная – бабушки и дедушки плюс Андрейки – тоже «хрущевка» на

Преображенке. Проблема с размещением няни была налицо – поскольку бабушка и дедушка ни за что не соглашались спать друг с другом вместе (оба так сильно храпели, что иногда от их храпа с потолка сыпалась штукатурка), то посему для сна им требовались две отдельные комнаты. Оставалась еще одна (Андрейкина) плюс кухня. Но кухня все-таки была местом почти сакральным, и няню туда решено было не селить. В итоге сошлись на том, что все равно Андрейка пока еще маленький, и присутствие с ним в одной комнате молоденькой девушки с Украины ему не помешает – а, может даже, так и лучше – всегда будет под присмотром! Его кровать задвинули в угол, в комнату принесли еще один шкаф и раскладную тахту, на которой и должна была ночевать его новая няня.

Будущее появление рядом с собой молоденькой тети Андрейка воспринял довольно спокойно. Он только спросил бабушку, будет ли она ему позволять таскать пирожки с кухни в кровать, и, получив утвердительный ответ вместе с поглаживанием по голове, успокоился и принялся за свое любимое чтение. Сейчас он читал «Кортик» Анатолия Рыбакова, а там вот-вот должно было начаться самое интересное, поэтому какая-то пришедшая тетья его не очень-то и интересовала. Зато, как выяснилось позже, она очень интересовала папу Ивана Ивановича – но об этом речь пойдет ниже.

Итак, через два дня пассажирским поездом «Какая-то жуткая глухомань на Украине – Москва» в столицу прибыла новая Андрейкина няня. На вокзале ее встречал дедушка вместе с Рабочевым, которых попросил сам папа Иван Иванович. Когда поезд остановился, из тринадцатого плацкартного вагона вынырнула бойкая молодая барышня и, сходу оценив встречающую ее парочку, моментально перенесла все свое внимание на Рабочева.

Пожалуй, стоит рассказать о ней поподробнее. Родители называли ее Христиной – на западноукраинский манер, однако там у себя она была Христей, зато в Москве сразу стала Кристиной, уверенно заявив, что в ее странном паспорте с какой-то желто-синей вилкой на лицевой стороне опечатка, и называть ее следует именно так. Фамилия у нее была Нога. По отчеству – Ивановна. В общем, когда дедушка (который весьма любил пространные и формальные знакомства) попросил ее назвать свое полное имя, фамилию и отчество, из Христи получилась Кристина Ивановна Нога. Правда, в слове «Нога» было употреблено ударение на первый слог, т. е. «Нога».

Если бы родители Христинки знали, насколько быстро переменилась их дочь, только ступив на столичную землю, они бы, наверное, слегка обалдели бы от счастья. Еще только вчера она была всего лишь Христей, да еще и с такой фамилией (в школе, кстати, дети дразнили ее «вырезкой»; к сожалению, дети грубы – тут уж совсем ничего не поделаешь), а сегодня уже стала Кристиной благородных романских кровей со звучной фамилией «Нога». А все потому, что наша столица с самого вокзала напитана непередаваемым местным шармом, способным из любого провинциала вмиг сделать рафинированного тутошнего. Но это так – отвлечение.

Продолжим. Кристина Ивановна Нога была привлекательна, молода, имела черные, как смоль, густые прямые волосы, карие громадные глаза, тонкие чувственные губы, а самое главное – взгляд призывный и намекающий, перед которым не могли устоять даже выдавшие виды проводники пассажирского поезда «Украинская глухомань – Имперская столица». Но, конечно, куда уж тут было проводникам, когда перед Кристиной вырастали чудесные перспективы жизни в столице! Кроме того, она была носителем пышных и весьма аппетитных форм, нагулянных в мягком экологически чистом климате на сметане, варениках, борще и свининке с прожилочками нежного розоватого сала, от которой так обильно текут слюнки в тихую Купаловскую ночь. Характер имела легкий, смешливый и даже почти не обижалась на слово «вырезка», брошенное ей вслед. А все потому, что с детства привыкла. Но, впрочем, что было в детстве, как известно, во взрослой жизни не считается, а посему закроем эту чувствительную тему и перейдем к вещам более насущным.

Итак, подхватив под руку Рабочева и скинув свою тяжеленную сумку на дедушку, Кристина быстро-быстро принялась входить в курс дела, с пулеметной скоростью задавая вопросы на мягком южнорусском наречии о том, чем ей предстоит заниматься. И пока они шли до стоянки, пока ехали к дому с ничего не подозревающим Андрейкой, у нее было достаточно времени, чтобы понять, что судьба дарит ей отличный шанс зацепиться в столице. Но особенно внимательно она слушала, когда Рабочев начинал говорить об Иване Ивановиче. Он представил его настоящим боссом, которого нужно слушаться безоговорочно, и желания которого – закон. И Кристина с присущим ей умом и смекалкой восприняла это указание дословно.

Когда машина подкатила к дому, Андрейка как раз дочитывал «Кортик». Он не привык, чтобы в это время дня в доме кто-то находился, а посему был сильно огорошен громким шумом и разговорами, которые отвлекали его от чтения. А выяснив, что источником шума является его новая черноволосая няня, невзлюбил ее с первого взгляда...

Глава 2. Победители

Заселение Кристины в квартиру семьи Капитоновых шло быстро и очень шумно (отчего Андрейка по-настоящему страдал). Для начала Кристина ворвалась в его комнату и тут же принялась по-хозяйски ее осматривать. На ее лице появилось разочарованное выражение, и вскоре она уже пыталась что-то выговаривать Рабочеву (из разряда – «а мне обещали, что я буду жить в хоромах!»). На что ей было резонно замечено, что: «Здесь тебе не хутор, а если не нравится – можешь валить, откуда приехала». Кристина моментально пошла на попятную – а потому что даже у нее хватило мозгов, чтобы понять, что здесь она чуть-чуть перегнула.

Что ни говори, а Рабочев был весьма и весьма сообразительным и поднаторевшим малым и мог с легкостью найти подход к любой даме. А к Кристине – именно такой и был самым лучшим. Дальнейшее действие проходило уже гораздо тише, дедушка облегченно ушел в гараж к своей любимой деревянной стружке и шуму сверла, а Рабочев, доходчиво указав Кристине на ее место, сменил гнев на милость и принялся весьма пространно объяснять ей, что от нее требуется, и как нужно себя здесь вести. И что пока она никоим образом не имеет отношения к большому боссу Ивану Ивановичу, а ее забота – Андрейка, и она должна его в прямом смысле слова облизывать. После чего посмотрел на Кристину и на ее недоуменный вид и поправился: «В смысле – отводить в школу и приводить со школы, готовить обеды и помогать делать уроки!». Потом еще раз посмотрел и грустно сказал: «А, впрочем, уроки он и сам сделает. Ты уж лучше не лезь!»

На том первое знакомство и завершилось. Рабочев галантно раскланялся с Кристиной (но ручку целовать не стал) и убыл по делам. В своей комнате Андрейка тихонько читал «Кортик», а Кристина осталась полноценной хозяйкой. Не будем вдаваться в подробности, как она провела время до прихода в десять часов вечера бабушки Марии Харитоновны домой, скажем только, что теперь по всей комнате Андрейки были разбросаны женские трусы китайского производства цвета спелых баклажанов, лифчики звериных расцветок (леопард, тигр и с надписью «Puma»), кофточки, маечки с принтом в виде голов голливудских звезд и прочий нехитрый девичий скарб, с помощью которого Кристина готовилась покорять Москву.

С появлением в доме молодой няни жизнь семьи Капитоновых приобрела новый доселе невиданный размах. Утро начиналось с того, что бабушка, яростно погромев сковородками на кухне, оправлялась будить Кристину, чуть ли не пиная ее ногами, чтобы поднять с постели. Как выяснилось, новая няня совсем не привыкла вставать в такую рань – в семь утра, а, принимая во внимание, что на Украине разница по времени с Москвой была час (это тогда, а сегодня – два, а то и три – в зависимости от сезона), то для нее семь по Москве соответствовало шести на хуторе.

А шесть утра – это вовсе ни в какие ворота не лезет, потому что ведь тогда нужно ложиться в десять вечера, а кто же позволит над собой такое издевательство! В общем, Кристина никак не хотела просыпаться, и вскоре бабушка Мария Харитоновна не выдержала и объявила ей, что еще один такой подъем, и духу Кристины больше не будет в бабушкиной квартире! Это подействовало – наконец, и до Кристины дошло, что она сюда приехала не к свекрови на блины, а работать, и она стала постепенно втягиваться в общий режим.

После подъема был небольшой завтрак, и потом все расходились по своим делам – Андрейку отводили в школу, бабушка шла в штаб, а дедушка – в гараж. Появление в доме новой няни, сказать по правде, пока устраивало только дедушку. Он сбросил с себя груз забот о внуке и теперь приходил домой только пообедать и к ужину, т. е. в восемь вечера. А бабушка, как уже было сказано выше, появлялась к десяти.

Сейчас у нее были самые горячие деньки – выборы должны были состояться уже через месяц, и ей совершенно некогда было заниматься чем-либо другим. Иногда к ним в дом заез-

жал Рабочев, все еще занятый покупкой и оформлением недвижимости. Как-то раз через две недели после приезда Кристины он заявился вечером и радостно передал бабушке договор, заключенный на ее имя, о приобретении новой четырехкомнатной квартиры в Сокольниках. Правда, переезд должен был состояться еще очень нескоро – а именно, годика через два, поскольку квартира была куплена на стадии фундамента, и теперь оставалось только ждать, когда ее построят, а, самое главное, не сбежит ли руководство фирмы со всеми деньгами.

Когда бабушка спросила Рабочева, уверен ли он в надежности строительной компании, он только пожал плечами и сообщил, что она входит в холдинг того самого третьего лица в партии (коммунистически настроенного олигарха), так что, здесь переживать нет никакой необходимости. В тот вечер дедушка вместе с бабушкой от радости выпили целую литровую бутылку водки на двоих и принялись совершенно пьяными истошными голосами распевать «Взвейтесь кострами» и «Наш паровоз вперед летит», напугав до невозможности всех соседей, которые уж было подумали, что у дедушки с бабушкой произошло коллективное помешательство, и даже вызвали «Скорую». А Андрейка мирно спал в своей комнате, а рядом с ним – на другой кровати – полночи ворочалась Кристина, которая уже получила свою первую зарплату (через две недели услужения) и теперь думала, каким образом ее потратить.

Мысленно она уже готовилась к декабрю, когда наконец-то состоится выборы, а после них у бабушки уже не будет такой необходимости проводить в штабе сутки напролет (и даже субботу с воскресеньем), так что она будет возвращаться пораньше, а в выходные и вовсе оставаться дома, и Кристина сможет выходить в город. Она обязательно купит на рынке новую одежду, прихорошится и пойдет по ночным клубам, где будет пытаться завести новые полезные знакомства – по крайней мере, именно такие мысли вертелись у нее в голове, которая уже почти совсем раскололась от невыносимого бабушкиного пьяного фальцета.

Тем временем и эпопея с покупкой надлежащего просторного дома Ивану Ивановичу подходила к концу. Рабочев объездил все ближайшее Подмосковье, но так и не нашел ничего подходящего (то – место было не очень, то – дом маловат, то – староват, то – не в тренде, то – не моден, а то и вовсе не нравится) и выступил с предложением просто купить землю с коммуникациями – там, где хочется – и просто самим выстроить дом. Выслушав его доводы, Иван Иванович согласился, и вскоре нужный участок земли – с электричеством, газом, водой, но без центральной канализации – был оформлен на него. Теперь можно было приступить к строительству дома, но не зимой же его строить! Вот скоро будет лето – а Рабочев уже пообещал боссу, что он сам лично подыщет ему классную бригаду строителей (мастера на все руки, и берут очень недорого!) – и тогда уже можно будет приступить к воплощению настоящей коммунистической жилищной мечты.

Резюмируя почти прошедший год, можно смело утверждать, что семья Капитоновых сделала грандиозный рывок в личном благосостоянии, чем все были, безусловно, довольны, если не сказать проще – счастливы! Андрейка, сам того не понимая и проводя все свое свободное время за чтением любимых книжек, становился богатым наследником партийного босса коммунистической партии западнобуржуазного образца – с причитающимися ему по статусу лимузинами, собственной дорогой недвижимостью, релаксами в Сен-Тропе и личными длинноногими секретаршами и сметливыми помощниками.

Но, впрочем, пока это ему было совсем не интересно – вот то ли дело «Таинственный остров» или «Двадцать тысяч лье под водой»! В своих книжках он находил то, чего ему очень не хватало в реальной жизни – преданных друзей и фантастические приключения где-то на краю земли. Полному Андрейкиному счастью на сегодня мешало только одно, вернее одна – Кристина – которая уже совершенно освоилась на новом месте и позиционировала себя полноценной хозяйкой в квартире.

Андрейка первый раз в своей жизни столкнулся с необходимостью искать уединенное место для чтения: теперь он вовсе не чувствовал себя уютно и спокойно в собственной комнате,

как раньше, а уходил в дедушкину или в бабушкину, но и то – все время ощущал присутствие рядом Кристины, которая мало того, что постоянно чем-то гремела, напевала под нос странные песенки на незнакомом Андрейке наречии и громко комментировала сериалы по телевизору, так еще и беспрестанно болтала по телефону. Ее нескончаемые разговоры продолжались ровно месяц, пока бабушка не обнаружила в почтовом ящике телефонную квитанцию, которая повергла ее в настоящий шок.

Оказывается, Кристина за месяц умудрилась наговорить с родным хутором столько, сколько вся семья Капитоновых не наговаривали и за три года. Бабушка рысью бегала по квартире, отчаянно совала под нос тихонько всхлипывающей Кристине злополучную квитанцию и, патетически вскидывая руки вверх, визгливо вопрошала, а кто собственно, за все это будет платить? Потом она позвонила папе Ивану Ивановичу и, еле сдерживая рвущиеся наружу ругательства, рассказала о том, что произошло. И Иван Иванович, до этого так ни разу и не видевший новую няню с Украины, решил сам приехать и сам разобраться. Но так как было уже поздно – почти одиннадцать часов вечера, и Андрейка уже спал, папа решил отложить разбирательства с Кристиной назавтра – чтобы было время обстоятельно и с толком поговорить.

Кристина не могла уснуть почти всю ночь – только она закрывала глаза, как перед ней тут же вставал образ беснующейся бабушки Марии Харитоновны с квитанцией наперевес, с помощью которой она – наподобие полицейского полосатого жезла – пыталась выбить деньги из бедной ни в чем неповинной Кристины. Потом видение бабушки исчезло, а вместо нее появился толстый плохиш с банкой варенья и коробкой печенья с головой, перевязанной черной лентой, с огромной надписью на иностранном: «Boss», который настойчиво подзывал ее корявым пальцем с грязным ногтем и предлагал компенсировать затраты на ее содержание. А вдалеке уже под всеми парами нетерпеливо гудел и вращал колесами черный-пречерный локомотив, алчущий заглотить Кристину своей жуткой пастью и насильственно увести обратно на хутор...

Кристина проснулась от увесистого тычка Марии Харитоновны, которая уже не могла сдерживать накопившееся раздражение новой няней и позволила себе слегка пнуть ее (правда, совсем несильно). Но это принесло ей вполне ощутимое облегчение, и бабушка вдруг неожиданно вспомнила, что она не только жесткий предводитель красного коммунистического ордена Ленина краснознаменного революционного истребительного отряда обеспечения правды на выборах, но и в целом просто культурный и воспитанный человек и даже владеет французским языком не хуже истой парижанки. И бабушка, почувствовав некоторые угрызения совести, горестно махнула рукой и, поникнув плечами, поплелась на кухню, всем своим видом показывая, что хоть она и почти простила кое-кого, но лишний раз ее задевать сегодня не стоит.

Весь день Кристина ходила, как на иголках, рисуя в воображении, что с ней сделает неведомый и очень серьезный босс, но если в первой половине она была уверена, что ее всенепременно вышибут и к тому же обязательно заставят отдать долг, то к двум часам дня решила просто так не сдаваться и сделать все, чтобы повернуть возникшую непростую ситуацию исключительно себе на пользу. Поскольку денег у нее все равно не было, а девичью честь она потеряла еще в пятнадцать лет на уютном сеновале в объятьях милого дружка, то она пришла к мысли, а почему бы ей не использовать свою свежесть и привлекательность, как оружие нападения? А то, что мало кто сможет устоять перед нею, у нее не было никаких сомнений.

– В конце концов, не убьют же меня здесь, – думала Кристина, выбирая из своих нарядов самые откровенные и сексуальные. – А босс – все-таки мужчина, и почему бы для начала не попробовать его оседлать?

Она неторопливо перебирала маечки, шортики и другие предметы девичьего гардероба и в конце концов остановилась на свободной футболке (само собой, лиф здесь был ни к чему), спортивных трусах в обтяжку (наподобие лосин, только радикально мини, и понятно, что на голое тело), а сверху укуталась в уютный домашний достаточно короткий халатик, чтобы вот

так сразу сильно не выдавать своих намерений. А, как известно, намерения женщины – особенно если она желает овладеть мужчиной – могут пробить и стену (тем более, что и усердствовать-то особенно и не надо).

Когда же час расплаты настал, и в квартире бабушки прозвучал громкий уверенный «Боммммммммм» дверного звонка, Кристина уже была полностью готова встретить в прошлом идейно-коммунистического бунтаря, а ныне видного функционера Ивана Ивановича.

Андрейкин папа сегодня уехал с работы очень рано – он специально выбрал время, чтобы бабушки и дедушки не было дома. Его вчерашняя отговорка по поводу невозможности визита так поздно в связи со сном Андрейки была искренней лишь наполовину – Иван Иванович, хоть и был ныне партфункционером (а считается, что они ничего, кроме своих драгоценных бумажек и документов и в глаза не видят), но интереса к женщинам все еще не потерял, и, кроме того, весьма и весьма представлял, что за няня появилась в доме его родителей. Рабочев еще со времени их самой первой встречи подробно описал ему Кристину – особенно ее влекущий взгляд и аппетитное, взращенное на экологически чистых продуктах и свежем воздухе тело.

Итак, Иван Иванович явился в шесть вечера (дедушка еще два часа должен был возиться в своем гараже, а бабушка еще даже и не думала возвращаться с работы). Дверь ему открыла сама Кристина – в коротком мягком сиреновом халатике, теплых носках и в тапочках. Конечно, она выглядела шикарно – здесь у нашего читателя не должно возникнуть никаких сомнений! Иван Иванович был сражен. Перед ним предстала горячая и юная южная дева в самом соку, которая невинно стреляла глазками, скромно, но с ощущением собственной привлекательности улыбалась и всем своим видом выказывала смирение и покорность.

И хотя изначально Иван Иванович и не собирался ее сильно ругать – что там грешить, на ее счет у него – нет-нет (впрочем – часто, часто!) да и возникали определенные мыслишки, еще с порога почувствовал, что сейчас ни о какой ругани не может быть и речи, но, возможно, его ждет нечто особенное! Он испытал настоящий прилив сил, резко повеселел, отдал Кристине пакет с дорогим коньяком и, проследив, как она отправилась на кухню, последовал за ней. Кристина поставила пакет и, томно и еле слышно вздохнув, юркнула мимо него в ванную, и оттуда сразу же раздался звук льющейся сверху воды. Молодые (ведь Иван Иванович в присутствии Кристины помолодел лет на двадцать) пока не обменялись и словом, кроме приветствия, но их взгляды были настолько красноречивы, что не требовали никаких слов.

Иван Иванович машинально скинул пиджак и галстук и остался в одной рубашке, растянутой на две верхние пуговицы, и отутюженных классического покроя брюках. Только от одного вида Кристины в халатике он ощущал заметное напряжение внизу живота и сейчас даже немного смущался, стараясь скрыть обуревающее его желание, так явственно рвущееся наружу.

Потом он, наконец, вспомнил, что они в квартире не одни, и пошел посмотреть на сына. Андрейка, не вставая с дедушкиного дивана, привычным взмахом руки поприветствовал папу и, словно появление в доме отца было для него делом совсем обыденным, продолжил, как ни в чем не бывало, читать Жюль Верна. Папа его сейчас совершенно не интересовал, как не интересовало и то, что вокруг него подозрительно тихо, и даже новая няня загадочно молчит. Ведь он был еще маленький и многого не понимал. Что же касается отца, то Андрейке уже объяснили, что его папа – очень важный и очень занятой человек, и не стоит тревожить его по пустякам.

Иван Иванович чуть-чуть посидел рядом с сыном, поспрашивал, как у него дела, и, услышав, что в школе и дома все нормально, удовлетворенно кивнул, напомнил Андрейке, чтобы тот не забывал, что он все-таки его отец, и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Не будет большим преувеличением сказать, что папа горел. Горел жарко – горел, как факел, как ацетиленовая горелка, как сопло реактивного истребителя, как ракетные дюзы, извергающие могучую космическую плазму. Ему страстно хотелось Кристину – честно говоря,

хотелось так, что он уже почти не мог себя сдерживать. И она его не разочаровала – выйдя из ванной, она теперь осталась только в одном коротком халатике и, не теряя времени, присоединилась к Ивану Ивановичу в бабушкиной комнате, где он попытался было посмотреть телевизор, чтобы немного остыть. Неторопливо и очень раскованно она – как будто по неосторожности – продемонстрировала папе свои соблазнительные округлости, случайно (совершенно!) мимоходом уронив на пол подвернувшуюся ей под руку фоторамку с изображением бабушки и нагнувшись, чтобы ее поднять.

Папа онемел – он тяжело дышал и даже был вынужден расстегнуть третью пуговицу на рубашке. Его глаза налились кровью, и он издал негромкий горловой звук задавленного страстью самца марала, который только чудовищным усилием воли сдерживает себя, чтобы не броситься на свою избранницу и резко насадить ее на рога. Ну, в смысле, конечно, не на рога.

Кристина, хоть и была девушкой, далекой от высшей математики, астрофизики и прочих заумных дисциплин, хорошо понимала, как нужно вызывать животную страсть у мужчин, и что потом с ней делать. Она не заставила себя долго ждать – смело подошла к папе и принялась торопливо расстегивать на нем оставшиеся пуговицы рубашки. Папа же вконец потерял самообладание – он с силой обхватил руками ее упругие бедра и уткнулся головой чуть ниже пупка Кристины. Она не сопротивлялась, а только нежно поцеловала его в темя и, чувствуя кожей, как вибрирует его мужская сущность, настойчиво, но очень мягко и женственно заставила его подняться с кресла и уверенно повела в ванную комнату. После чего принялась неторопливо раздевать его, усадив на краешек ванной и заставив полностью расслабиться и опустить руки.

Если бы Андрейка сейчас видел своего папу, он бы, наверное, очень удивился, а бабушка бы просто грохнулась в обморок – хотя, а для чего собственно Иван Иванович так рано приехал – именно для того, чтобы бабушки и не было в самый неподходящий момент. Кристина раздевала его неторопливо, ласково отставляя его руки и разрешая гладить только свои роскошные волосы. И хотя Иван Иванович постоянно порывался прижать ее всем телом, она повелительно останавливала его порывы, полностью взяв всю власть в свои руки.

Он уже почти не мог терпеть. И вот, когда, казалось, его напряжение достигло своего пика, и он уже больше не выдержит, Кристина резко отстранилась от него, быстрым движением включила горячую воду в ванной и настойчиво и твердо затолкала его под душ. А потом заставила сесть на дно ванной и принялась нежно и очень мягко тереть ему спину губкой. Иван Иванович был на вершине блаженства – сейчас ему казалось, что он никогда в жизни не испытывал ничего подобного: он негромко стонал и водил плечами, словно разнеженный морской лев в своем любимом гареме, когда самки со всех сторон чешут, гладят и убаживают своего властелина.

Вода ненадолго охладила его пыл, и сейчас он уже чувствовал в себе силы испытать близость с Кристиной чуть-чуть дольше, чем просто одно мгновение. Но она не дала ему такой возможности. Вынув из кармана халатика заранее приготовленный презерватив, Кристина настойчиво подняла папу из ванной, быстро обтерла его насухо толстым банным полотенцем, а потом, хрустнув металлической упаковкой, уверенно натянула презерватив на его подрагивающего от нетерпения шалунишку-гусара. Уже только от одного ее прикосновения папу пробил крупная дрожь, а когда Кристина, к тому же, резко притянула его к себе и повернулась к нему спиной, чуть-чуть наклонившись вперед и обнажая чудесный нежный благоухающий бутон, он осознал, что вот он миг наивысшего блаженства. И с силой вогнал свою чудовищно разбухшую от невыносимого напряжения плоть, мгновенно разрядившись в Кристину семенем, которое вырвалось на волю подобно прогрызшему стальные прутья клетки дикому гепарду.

Все было кончено. Облегчение было настолько мощным и настолько сладостным, что папа мгновенно обмяк и отстранился от Кристины, которая тут же принялась снимать с него использованный презерватив. Он пристыжено отвернулся и, краем глаза проследив, как Кри-

стина выскочила из ванной, стремясь как можно быстрее спрятать свидетельство их близости куда-нибудь подальше в мусорное ведро, уставился на разбросанные на полу ванной его скомканные трусы, брюки и рубашку. Посидев с минутку, он вздохнул и принялся неторопливо одеваться, явственно осознавая, что ему хочется испытать это непередаваемое чувство еще раз – и еще, и еще.

Когда через полчаса Андрейка вышел из комнаты, чтобы намазать себе вкусный бутерброд, Кристина и Иван Иванович умиротворенно сидели на кухне друг напротив друга и негромко переговаривались. Андрейка уже давно не видел папу таким довольным, а на лице Кристины, словно яркой гуашью, сочными мазками было выписано выражение несомненного триумфа, которое она даже и не пыталась скрыть.

С кухни на всю квартиру медленно распространялся благородный аромат дорогого коньяка, экзотических фруктов и кофе, томившегося в двух бронзовых турках (третьего дня подаренных Ивану Ивановичу товарищами из турецкой партиячейки). Картину довершала внушительная горка ломаных кусочков еще теплого багета и сырный развал плесневого, мягкого и классического твердого.

В момент появления Андрейки Иван Иванович как раз произносил тост. Он любил говорить и никогда не отказывал себе в удовольствии выступить перед аудиторией (особенно состоящей из соратников по борьбе) – но сейчас в его словах было не слишком много партийной риторики, а тост был посвящен любви и дружбе. Ну, или, по крайней мере, подразумевал любовь и дружбу. Папа смотрел на Кристину, которая уже успела переодеться – специально для глаз Марии Харитоновны – в подобающий скромный наряд (недорогие джинсы и розовую кофточку), и, стараясь погасить в глазах отблески вновь пробудившегося в нем вождения, неожиданно для самого заговорил стихами:

Ты словно птичка,
Ты, как синичка,
А я – орел,
Я благороден и умен!
Ты очень красива,
Ты настоящее диво!
А я – мужчина хоть куда,
Хотя немного и в летах.
Так выпьем же за нас!
Так выпьем за рабочий класс!
Так выпьем же за страсть —
Так выпьем за народа власть!

Ни у кого, окажись он сейчас вместе с папой и Кристиной на кухне, не возникло бы ни единого сомнения в том, что в данный момент папа и олицетворяет этот самый народ совместно с рабочим классом. А скромно потупившая взгляд Кристина, ноги которой, однако, были раздвинуты чуть-чуть немного более, чем того требует принятый в интеллигентных семьях этикет, – пролетарскую невинность и застенчивость прирожденного строителя коммунизма.

Завидев вышедшего из комнаты Андрейку, папа усадил его рядом с собой и начал многословно и слишком уж оживленно предлагать ему один экзотический фрукт за другим, потом багет с сыром, а потом просто сыр без багета. Кристина, тем временем разливая кофе по кружечкам, озаботилась делами более насущными. Несмотря на то, что Иван Иванович был у нее, считай, уже в кармане – все же проблема долга за телефонные переговоры еще не была снята с повестки дня. Вот сейчас и было самое время напомнить о его существовании, но сначала,

пожалуй, еще один сеанс любовной терапии для достижения наилучшего результата не помешает!

Воспользовавшись возникшей паузой в их с Иваном Ивановичем отношениях, Кристина выскользнула в коридор за квитанцией, которая лежала на тумбочке в прихожей. Сейчас ее следует держать при себе, чтобы в нужный момент предъявить к оплате. А вот момент, конечно, необходимо подготовить! Кристина зашла к себе в комнату (а теперь она считала ее уже целиком своей), чтобы еще раз поправить прическу и убедиться, что она способна сразить наповал любого – будь это хоть счетовод из отдела заказа скобяных изделий – чего уж тут говорить про папу! Кроме того, ей нужно было захватить новый презерватив, чтобы быть во всеоружии.

Тут она вспомнила о времени – и если Мария Харитоновна должна была прийти еще совсем нескоро, то дед, наверняка, не заставит себя долго ждать – и решила поторопиться. Словом, как говорил когда-то великий Ленин, суть момента требовала от нее решительных и неотложных действий.

Она вернулась на кухню, мимоходом взъерошив уже порядком поредевшую шевелюру на голове Ивана Ивановича. От ее прикосновения он оплыл на стуле, как догоревшая свеча, и снова переключил все свое внимание исключительно на Кристину. Андрейка к тому времени уже успел полакомиться парой бутербродов с сыром и, схватив очищенный апельсин, целенаправленно устремился к своим приключениям.

Дождавшись, пока за ним захлопнется дверь, Кристина решительно села Ивану Ивановичу на колени и принялась мягко и очень искусно поглаживать его между ног. Иван Иванович вмиг сделался багровым, как вареный в суровом тузлуке лангуст, он обхватил одной рукой талию Кристины, а другой налил себе полную рюмку коньяку и залпом выпил. Крякнув и потянувшись за долькой ананаса, Иван Иванович, тем не менее, все сильнее и сильнее стал прижимать Кристину к себе, которая теперь и сама действовала гораздо более энергично и агрессивно. И вновь набухший богатырь Ивана Ивановича диктовал ему свои условия, и он находился на грани, за которой могло последовать только одно – сброшенные брюки и джинсы, трусы на полу и миг сладостного опустошения в вожденное лоно Кристины.

Кристина торопливо пыталась расстегнуть его брючный ремень. Как назло, застежка не поддавалась (ремень от известного английского бренда был неприступен, словно принц Датский на приеме у иеромонаха Солодовникова – если бы, конечно, такой прием в реальности хоть когда-нибудь состоялся), и Кристина, предприняв последнюю попытку, смиренно отстранилась, предоставляя возможность папе самому разбираться в своем хозяйстве. А дело-то было всего лишь в секретном рычажке, который нужно было только слегка потянуть! Одно движение – и ремень расстегнут, раз – и проворные руки Кристины уже занялись пуговицами на ширинке брюк Ивана Ивановича.

Он откинулся на спинку стула, позволяя ей самой довершать начатое. Пуговицы отступили намного быстрее, чем ремень, и Иван Иванович, рывком поднявшись со стула и переступив через упавшие брюки, обхватил Кристину двумя руками и сладострастно прижался к ней своим естеством, значительно затрудняя ей самой задачу высвобождения от облегающих джинсов. Кристине пришлось даже с усилием немного отстраниться от него, чтобы, наконец, сбросить с себя верхнюю одежду.

Если бы режиссеры и сценаристы эротических фильмов были сейчас рядом, то сцена, представшая у них перед глазами, наверняка, им бы понравилась. Здесь было все, что требовалось по законам жанра: стройное загорелое женское тело в нижнем белье и шерстяных домашних носочках с узором (которые почти всегда были атрибутом любой мужской фантазии), прерывистое дыхание и угловатые движения партнеров, а самое главное – умудренный опытом, сжигаемый страстью любовник в накинутой сверху и застегнутой почти на все пуговицы рубашке, трусах с надписью «VersaChі» и тоже в носках – только почему-то черных и даже

без яркой рекламной надписи. Но, впрочем, кино есть кино, но и реальность иногда не уступает ему по накалу чувств.

Сейчас эта простая истина явилась миру во всей красе. Забыв о существовании сына, Иван Иванович выдал из себя звук, непосредственно напоминающий бас геликона, и принялся дрожащими от нетерпения руками стягивать трусики с Кристины, которая, понятно, совершенно не протестовала, а только усиленно – пока еще оставалось время – обдумывала, завлечь ли Ивана Ивановича опять в ванную, или пусть уже все идет, как есть. Впрочем, она быстро пришла к выводу, что никакой возможности оторвать Ивана Ивановича от себя сейчас у нее нет, а, следовательно, вопрос о ванной отпал сам собою.

Видя, что процесс слегка затягивается (Иван Иванович зачем-то пытался целовать ее в губы), Кристина вновь, как и в прошлый раз, взяла инициативу в свои руки. Стянув с Ивана Ивановича трусы, она улучила момент, выхватила из кармана недалеко отброшенных джинсов презерватив (а здесь мы, конечно, не будем повторяться, что она с ним – презервативом – сделала, а двинемся незамедлительно дальше) и после, поднявшись на носки, уверенно попыталась закинуть на Ивана Ивановича одну ногу.

Иван Иванович машинально захватил ее ногу рукой и, прижав ее спиной к подоконнику, немного наклонил назад. Потом, повинувшись нетерпеливой руке Кристины, позволил ей ввести в себя свое достоинство и энергичными фрикциями, громко постанывая, принялся резко, словно забивал гвозди, двигать тазом. Результат не заставил себя долго ждать – буквально через несколько мгновений Иван Иванович выгнулся, издал рык поверженного вожака слоновьих стад и навалился на Кристину всем телом, которая в этот момент прилагала массу усилий, чтобы не выдавить спиной оконное стекло. Так что можно смело утверждать, что в этот раз она почти пропустила кульминационный момент слияния двух любящих сердец...

Через сорок минут раздался звук поворачиваемого в замочной скважине ключа. Со своей подсобной фабрики по производству мебели вернулся дедушка. Папу он уже не застал, как и не увидел следов буйного веселья, царившего в квартире еще совсем недавно. Порожня бутылка от коньяка уже давно перекечевала в мусоропровод, в квартире было проветрено, и на кухне чисто вымыто. Единственно, что в холодильнике прибавилось продуктов. Но на них дедушка особого внимания не обратил, поскольку в последнее время совсем перестал ходить по магазинам, а целиком переложил эту обязанность на плечи Кристины.

К его приходу на плите стояли дежурная кастрюля с гарниром и сковородка с котлетами, и дедушка, как обычно, спокойно поужинал и пошел в свою комнату, чтобы поболтать с Андрейкой. Тот вечер был каким-то особенно умиротворенным. Андрейка выглядел сонным и уже почти спал. Дедушка отвел его в кроватку и выключил свет. А сам стал смотреть вечерние новости, которые, как обычно, не показывали ничего хорошего. Ведь все хорошее осталось там – при Советском Союзе.

А Кристина тем временем плескалась в ванной. Прошедший день был для нее знаменательным. Все задачи, поставленные перед партией и правительством съездом народных депутатов, были выполнены и перевыполнены. А пятилетка завершилась в два года! Папа Иван Иванович – и по совместительству большой партийный босс – был покорен, словно Пик Коммунизма. И теперь Кристина нежилась под горячими струями воды и обдумывала планы, как ей сковать из всего этого достойное железное изделие, пока оно было еще горячо.

Уходя, Иван Иванович забрал квитанцию об оплате телефонных переговоров с собой, нежно шепнув на ушко Кристине, чтобы она не волновалась. Он собирался оплатить квитанцию через партийную кассу и провести ее, как прямые расходы на организацию движения «Красных галстуков» на Сумщине, Полтавщине и Черниговщине. А то, что Кристина звонила вовсе и не туда, а во Львов, это уже вообще никого не интересовало. Поскольку никто и не знал, что это такое, и где оно находится.

Но это было еще не все. Иван Иванович совершенно непрозрачно намекнул Кристине, что не дело такой умелой и способной девушке тратить свою жизнь на хозяйственные заботы, а пора ей подумать о строительстве карьеры в партии – а именно, его личным секретарем, который он как ему необходим в его поездках по странам и регионам. И если Кристина не против, то папа Иван Иванович может устроить все, как нужно – вот только прежде необходимо пройти в Государственную Думу. Но это дело, считай, уже почти решенное – так что, недолго осталось Кристине куковать под гнетом кастрюльно-сковородного рабства.

Кристина, конечно же, не стала сильно протестовать. Да и вообще никак протестовать не стала. А только-только нашла в себе силы удержаться и не завизжать от радости. А папа ушел окрыленный. Давно он не чувствовал себя так хорошо – он словно сбросил с плеч десяток лет, распрямился, и даже его личный водитель сразу заметил в нем произошедшую перемену. И сделал комплимент. На что папа был весьма доволен.

Конечно, можно пространно живописать, что же еще произошло тем вечером: как из штаба вернулась Мария Харитоновна, как она десять минут бегала по квартире в попытке разнюхать и что-то прояснить для себя, но так ничего толком и не обнаружила. И только подозрительно рассматривая довольное, как круглая полная луна, лицо Кристины, пришла к выводу, что ее сына, похоже, сегодня взяли в оборот. Она даже принялась звонить ему домой, но получила отворот-поворот и страшно разозлилась. Бабушка и папа долго кричали друг на друга в телефон, но потом в итоге почти успокоились, бабушка вытащила из серванта початую заветную бутылочку и хрустальную стопочку, достала из холодильника остатки сыра и багета и как следует напилась сама с собой. А Андрейка просто спал.

Наутро по квартире все бегали, как ошпаренные. Назавтра был день выборов, и сейчас – хоть по всей стране и был объявлен «день тишины» – в партийных штабах работа кипела, как у маргеновских печей в тридцатые годы. И, кроме того, бабушка разбудила Кристину пораньше, велела ей одеваться и следовать за ней. Иван Иванович распорядился доставить Кристину на Красную Пресню, где она должна была начать входить в курс дела.

Впервые за последние несколько недель Андрейка остался дома один. Он недоуменно бродил по квартире, пытаясь осмыслить, что же произошло, и может ли он опять спокойно читать в своей комнате. Повсюду была раскидана незамысловатая одежда Кристины – и даже кое-что лежало на кровати Андрейки, брошенное впопыхах и в горячке сборов – так что ему пришлось для начала собрать все эти вещи в одну кучу и свалить их на тахту Кристины. Постепенно шаг за шагом Андрейка учился отстаивать свое личное пространство. И появление в доме няни послужило для этого хорошим катализатором.

Андрейка вдруг совершенно ясно и отчетливо понял, что даже если никого не трогать и ничего не делать, это вовсе не означает, что в один не очень прекрасный момент рядом с тобой не появится человек, который сочтет, что имеет все права причинять тебе неудобства. А коль скоро он появился, то нужно уметь поставить его и себя в такие рамки, чтобы тебе было наиболее комфортно.

Что сказать – мысль была неизбежной, а самое главное, вполне осознанной, так что, мы с удовольствием имеем право констатировать, что Андрейка сделал еще один шаг на пути к самостоятельной взрослой жизни. В общем, он решил напомнить Кристине о ее правах и обязанностях, и кто в этом доме хозяин. И от предвкушения будущих баталий с превосходящим его по возрасту противником яростно сжимал кулачки, сурово хмурил брови и играл желваками на худеньком мальчишечьем лице. В общем, готовился.

Это была суббота. День, безусловно, такой же хороший (особенно, с утра), как и вечер пятницы. И, может быть, вновь обретенное одиночество, а, может, разлитое в воздухе напряжение перед выборами – какое, к слову сказать, все дети очень хорошо чувствуют (и не только перед выборами, но, например, и перед Новым Годом или Восьмым Мартом) – помогло Андрейке ощутить себя на просто маленьким мальчиком, а человеком с большой буквы, кото-

рый тоже имеет право. А, может, просто подошел возраст. Тут мы ничего определенного утверждать не смеем.

Итак, Андрейка свалил все Кристиноно барахло ей на тахту. И, заняв свое излюбленное место у себя в комнате, стал дочитывать очередной приключенческий роман. Но, странное дело, через некоторое время (а он все еще находился в состоянии серьезного возбуждения от предстоящей эпической битвы с Кристиной за жизненное пространство) он обратил внимание, что его все больше и больше интересуют моменты проявления в романе девочек, девушек или просто дам, и кое-какие подробности их взаимоотношений с мальчиками, юношами или просто взрослыми кавалерами.

Это было так ново и так неожиданно, что Андрейка долго не мог понять, что же привлекает его внимание – ведь до сего момента существование вокруг девочек, девушек и просто дам его никоим образом не волновало. Но мы-то знаем – что с ним творилось, поскольку сами взрослые, и многое уже понимаем. Кстати, забегая вперед, скажем, что в тот день Андрейка так и не разобрался, что с ним произошло, а вскоре и совсем забыл об этом моменте пробуждения в нем не мальчика, но будущего мужчины.

Суббота, стоявшая тогда на дворе, была по всем критериям особенной. По крайней мере, для семьи Капитоновых. И даже для Христинки Ноги, которая, конечно, имела пока к ней весьма опосредованное отношение. Эта суббота была знаменательной – она, словно красная черта, подводила итоги. Для бабушки и дедушки, для папы Ивана Ивановича, для его сына Андрейки, который, сам того не понимая, вступил в новую пору своего созревания, для Кристины, в конце концов, коли уж она появилась в нашем жизнеописании. И, кажется, все они это прекрасно понимали или чувствовали – но только каждый по-своему.

А вечером все собрались за праздничным столом на все той же кухне – и даже папа, который впервые за много месяцев приехал не в костюме, а в обыкновенных джинсах, свитере и куртке на пуху. Так он казался гораздо моложе, весь вечер заразительно смеялся, травил анекдоты и байки, в общем, был настоящей душой компании, в чем, конечно, была заслуга Кристины, которая тоже вместе с папой весь вечер смеялась, веселилась и даже пела со странным, так и не ставшим привычным уху Андрейки заунывным акцентом.

Воскресенье выдалось очень тихим и каким-то необыкновенно радостным. По крайней мере, Андрейке так казалось. Ему вчера так толком и не удалось повоевать с Кристиной, а сегодня почему-то и не хотелось. В квартире царил умиротворение. Когда он проснулся, рядом никого не было. На плите стояла дежурная кастрюля с еще почти теплой кашей, в холодильнике – сыр, масло, а на столе – круглая булка хлеба с броским названием: «Московский полубоярский». Андрейка, не спеша, позавтракал, уткнувшись носом в книжные страницы, и вдруг, неожиданно поймал себя на мысли, что ему хочется пойти покататься с горки. Он рассеянно смотрел на книгу перед собой и не знал, что с ней делать. Потом неуверенно закрыл ее, проверил, есть ли у него ключи от входной двери, оделся и вышел на улицу.

Ярко светило солнце, возле дома чувствовалось оживление. Было десять часов утра. Народ целыми семьями (взрослые плюс по одному-двое-трое детей) целенаправленно двигался по направлению к Андрейкиной школе, в которой был открыт избирательный участок номер шестьсот шестьдесят шесть по городу Москва. Первым делом Андрейка заглянул к деду в «ракушку». Странно – но того на месте не оказалось. Как потом узнал Андрейка, сегодня дедушка исполнял важное партийное поручение – он возглавлял группу наблюдателей на нескольких избирательных участках и зорким соколом высматривал возможные подтасовки, нарушения и несуразности, которыми, как известно, всегда славилась отечественная избирательная система. Но мимо дедушки и мышь не могла проскочить незамеченной, и поэтому за исход выборов на вверенном ему театре боевых действий можно было не опасаться.

Андрейка поискал глазами ближайшую горку, не нашел и, вспомнив, что на территории школы есть такая – совсем недавно залитая – решил, что там ему как раз сегодня и место.

Теперь нужно было найти картонку или фанерку, чтобы быстрее скользить. Тут-то дедушкино мебельное производство оказалось весьма кстати. Неподалеку от его «ракушки» стояли мусорные баки, в которые он постоянно понемногу сгружал отходы древо-пилообрабатывающей промышленности, и где можно было в любой момент разжиться необходимым транспортом для скатывания с ледяных гор. Иногда даже здесь оказывались куски линолеума! В общем, вскоре Андрейка вместе со стойкой неорганизованных, таких же, как и он сам, малышей, катился вниз, пинал ногами всех, кто подвернется, сам получал в ответ тычки и удары, визжал и размахивал руками. Ему было хорошо, и время летело быстро и незаметно.

Горка была обустроена таким образом, что с нее открывался прекрасный вид на центральный вход в школу (а ныне избирательный участок номер шестьсот шестьдесят шесть). И Андрейка видел, как туда стекался трудовой и не очень, просто и совсем непросто одетый, и иногда с песнями и плясками народ – в единственном числе и во множественном, и даже целыми небольшими мобильными соединениями. Шли бабушки и дедушки, мужчины и дамы средних лет, почти совсем юные барышни с кавалерами – в общем, социально активная общественность, которая спешила волеизъявлением повлиять на дальнейшую судьбу страны. И особенно ему запомнилась, как одна старушка вела за руку внучку (скорее всего, внучку), а та несла ярко-красный наполненный гелием воздушный шарик, на котором еще более красными буквами было написано: «Все – в окопы!» и еще внизу: «Вся власть – учредительному собранию!».

Через два часа Андрейка устал и пошел домой, а в участок все текла и текла нескончаемая людская река. Из динамика, установленного над входом в школу, звучала знакомая музыка из «Звездных войн» американского режиссера Лукаса – что, конечно, было символично. Ведь голосовать лучше всего именно под эту мелодию – она создает необходимый и присущий моменту настрой.

Остаток дня прошел спокойно. Только бабушка, дедушка и даже Кристина все не появлялись и не появлялись – так что Андрейка пару раз поел, поспал, почитал и от нечего делать включил телевизор. Стоит сказать, что говорящий ящик его не особенно-то и интересовал, и он смотрел по нему только мультики. Только сегодня почему-то мультиков не было совсем, зато он с удивлением обнаружил на одном из каналов своего папу, уверенно раздающего интервью сразу нескольким теле-радио компаниям. Андрейка был настолько ошарашен, что даже решил послушать. Оказалось, что его папа очень и очень известный человек – что, конечно, было приятно. И говорить он умеет настолько складно, что ему бы впору писать фантастические романы. Например: «Двадцать тысяч лье до победы коммунизма над капитализмом» или: «Из пушки – на Луну, а оттуда – обратно в Кремль», или: «Таинственный остров – сказ о том, как Гусинский с Березовским пропили за один вечер остров Ибица», ну и т. д.

Папа говорил долго – хорошо поставленным голосом доказывая, что победа неизбежна, и сила – за ними. Андрейка слушал и тоже верил. А потом опять поискал в телевизоре мультики и опять не нашел. И расстроенный отправился спать. Конечно, в тот день ему не суждено было увидеть домочадцев (они все с нетерпением ждали результатов голосования на Красной Пресне) – а самое интересное началось далеко за полночь, когда появилась уже более-менее полная информация о том, как проголосовала страна.

В штабе коммунистического сопротивления победившему олигархически-окаянному режиму царило оживление. Коммунисты из первой половины списка, не стесняясь и горланя военные и прифронтовые песни, радостно пили вкусный односолодовый виски из стратегических партийных запасов и произносили тосты. В их числе был и папа, который до того разошелся, что принялся на ходу сочинять поэтические отрывки на злобу дня. Наш читатель уже смог убедиться, что Иван Иванович был совсем не лишен литературного таланта, поэтому мы готовы привести здесь некоторые из его мимолетных словесных набросков, которые он сам после озаглавил, как: «Ода к радости»:

Плакатом – на врага!
Плакатом – бей дурака
В бок, под дых!
Аккумулируй всенародный рык
Боли —
А все потому, что народ
Недоволен!

Или вот еще:

Трепещи, олигарх!
Отныне ты в наших руках!
И, будь уверен, сядешь
И будешь сидеть,
Твои злодеяния
Мы не станем терпеть
Более —
Во век не видать тебе воли!

А бабушка Мария Харитоновна и ее активистки расположились неподалеку от прошедшего в думу партактива и пили водочку с маринованными огурчиками с собственных приусадебных участков. Из их угла время от времени слышались приветственные крики, громкий немного истеричный от пережитого напряжения смех и частушки, которыми победители отмечали свой триумф. Обычно начинала сама Мария Харитоновна:

Полюбила коммуниста,
Полюбила неспроста —
Нет упрямей активиста,
Нет упорней молодца!

А после хор из пятидесяти голосов одновременно подхватывал: «Особенно в постели!»

Он работает на совесть,
Он работает за страсть!
Так – что мне бы уцелеть бы
И с кровати не упасть!

А голоса продолжали: «А он удержит – а потому что все в его руках!». Исполнив подряд несколько задорных частушек, старшее поколение замолкало, и тогда вновь в большом зале начинало преобладать звуковое давление произносимых за основным столом тостов маститыми коммунистами. И вот, ровно в три часа ночи по Москве слово взял главный по партии Бессменный Ленинец и Большевик – Вождь почти что всех Народов (БЛиБ-ВпчвН) товарищ Зарганов. Он налил себе полную рюмку ирландского виски, выпрямился во весь рост и напористыми ударами серебряной немецкой вилочки о чешский хрусталь затребовал тишины. Аудитория моментально обратилась в слух:

– Товарищи! – голос БЛиБ-ВпчвН звучал, как царь-колокол, и перекрывал все посторонние звуки в радиусе пятидесяти метров. – Как когда-то говорил в известном мультфильме небезызвестный нам Чебурашка: «Мы строили, строили и, наконец, построили!» И это правда,

товарищи! – оглушительные аплодисменты стали ему ответом. Но не прошло и пары минут, как они смолкли, и почти что всенародный вождь продолжил:

– А тем временем результат нашей работы мы сейчас видим у себя на лице! И этот результат, конечно, я смело могу охарактеризовать, как нашу общую победу! – и снова вождь несколько минут дожидался наступления тишины. Коммунисты, сидевшие за праздничными столами, неистово били ладошками о ладошки, кричали: «Виват!», и бесконечно радовались. И их можно было понять – безумная предвыборная гонка и раздача населению несбыточных обещаний наконец-то закончилась, и сейчас можно было спокойно приступать к более осязаемой работе по освоению причитающихся им по статусу бюджетных выделений.

Когда наступила тишина, и все снова выпили, не закусывая, главный по партии вновь заговорил:

– Да, товарищи. Нам всем выпала нелегкая судьба – вести за собой страну в нелегкую годину – когда власть захвачена кучкой воров и предателей! А вот, например, пятьдесят лет назад их всех бы давно уже расстреляли! Но, может быть, кое-кто из вас хочет сказать, что все эти воры и предатели тоже из бывших коммунистов? – вождь сурово и очень сердито обвел взглядом аудиторию. Он, словно, вопрошал: «Ну-ка, ну-ка кто из вас сейчас кивнет головой?».

Но все напряженно молчали, и он, погасив свой рентгеновский взор и немного успокоившись, сменил гнев на милость. – И вы будете неправы! А потому что даже любому несознательному младенцу сейчас известно, что страну предали и разрушили не бывший Генеральный Секретарь ЦК КПСС, не бывшие Генеральные Секретари ЦК Коммунистической Партии Украины и Белоруссии, не бывший Секретарь Московского комитета КПСС и не иже с ними главный коммунистический идеолог и министр иностранных дел (и это я еще не всех назвал!), а непонятные и неизвестные никому из нас люди-крабы с Марса! И вот это уже – чистая правда!

Главный по партии залпом опрокинул в рот стопочку виски, поморщился и потянулся за ломтиком лимона. Он даже сделал попытку вновь сесть за стол, но потом вспомнил, что еще не договорил, и остался стоять.

– Так вот, проницательные люди-крабы – и поверьте мне, я не шучу и знаю, о чем веду речь – с помощью нехитрых технических приспособлений зомбировали старых проверенных коммунистов, и они поддались нестерпимому зову наживы и развалили великую державу на множество осколков! Но кое-кто за пределами этого зала все еще продолжает утверждать, что в разрушении страны виноваты именно коммунисты! И с такими, товарищи, мы должны ежеминутно и ежесекундно бороться, товарищи! А потому что оппортунизм должен быть побежден, а соглашательство изжито! А потому что союз трудящихся всех стран должен быть восстановлен, а для этого каждый из нас и я лично, как известно, не пожалеем ничего! Потому что коммунистическая идея живет и побеждает!

Ответом ему послужил дружный вздох, с которым проверенные временем соратники и новые активные члены подняли в воздух до краев наполненные шкалики, рюмочки и стаканчики с бокалами. Веселье захватило коллектив – после речи самого вождя оно приняло еще более непринужденный характер и вскоре – буквально к полпятому утра – приобрело некие черты древнеримских оргий, за исключением, конечно, того факта, что вместо гурий, ублажающих и услаждающих взгляд и тело с душой, повсюду в сигаретном смоге мелькали нетрезвые лица (преимущественно красного пролетарского цвета), которые, словно один общий дружный катушечный магнитофон, разными тембрами и октавами вопрошали одно и то же, а именно: «Ты меня уважаешь?». А кое-где даже вспыхивали громкие перебранки на идеологической почве – но, впрочем, куда ж без них в дружном коллективе?

Но, как известно, и хорошее тоже когда-нибудь заканчивается. И вот к утру все устали настолько, что теперь мечтали исключительно добраться до теплых постелей – наподобие той, в которой спал Андрейка – только размером сильно побольше. И стали разъезжаться по домам – кто на лимузинах с сонными водителями за рулем, кто – на такси, а кто и на метро и трол-

лейбусах. А были и такие, что решили прогуляться по утренней Москве и широкой грудью вдохнуть незабываемый воздух великой победы коммунистического добра над капиталистическим злом.

Кстати, среди праздновавших в ту ночь была и Кристина – которая скромно сидела за большим уставленным пластиковыми стаканами и бутылками с водкой и дешевым вином столом для секретарей и ассистентов. Как ни крути, а табель о рангах и порядок распределения социальных благ в партии большевиков исполнялся неукоснительно – и поэтому везде и всегда исповедовался принцип: «На чужой кусок не разевай роток!» и «Не садись не в свои сани, деревенщина!». И как это ни грустно заметить, в этом товарищи большевики никоим образом не отличались от так ненавидимых ими буржуинов, которые поступали со своими подчиненными точно так же. Но об этом прискорбном факте нам здесь, конечно, говорить совсем не к месту.

Кристина сильно контрастировала с окружающими ее подсобными референтами-помощниками своей девичьей статью и непринужденными манерами. А Ивана Ивановича одолевали соратники с вопросом, где ему посчастливилось найти такого личного секретаря. На что он важно отвечал, что, дескать, нерушимый союз трудящихся независимых государств приносит свои плоды – и нужно просто лучше и тщательнее отбирать кадры из народа. А он – Иван Иванович – постоянно этим занимается. И если некоторое время его немного смущали явные пробелы в Кристином образовании – особенно в вопросах пролетарской сознательности – то потом он логично рассудил, что не боги горшки обжигают, и при должной старательности даже из Кристины можно вырастить боевую верную идеям партии подругу – причем весьма за короткий срок. И на этой светлой мысли удовлетворенно принялся наверстывать упущенные минуты веселья и догонять своих товарищей по показателям объема выпитого спиртного.

Короче говоря, Кристина с легкостью влилась в разношерстный пролетарский коллектив – веселый, бесшабашно-горячий и проникнутый священной идеей раскрепостить всех и каждого. А когда все стали расходиться, она уехала с Иваном Ивановичем в его шикарную машину к нему домой. И даже бабушка Мария Харитоновна и прикрепленный к ней гость вечера – дедушка – глава семейства Капитонов не сильно протестовали – они лежали рядом друг с другом на широкой тахте (одной – из порядка двадцати), которые были заботливо расставлены в помещении по соседству с главным праздничным залом – специально для тех, кто не выдержит накала триумфа и ляжет спать чуть-чуть пораньше.

Подводя итоги, можно уверенно сказать, что вечер прошел на славу, и все были довольны. А Андрейка спокойно спал, и ему снилось синее бескрайнее море, славная пиратка с тяжелой абордажной саблей в руке и жемчужиной в ухе, которая зазывно скалила зубы и притягательно стреляла глазами в стоящего напротив Андрейку в форме капитан-лейтенанта британского королевского флота. А он улыбался ей в ответ.

Часть вторая. Дела семейные

Глава 1. Приют большевика

Как известно, жизнь течет очень быстро. И вот с момента триумфа пролетарского движения минуло уже довольно много времени. Наступил одна тысяча девятьсот девяносто девятый год. Корпорации всего мира озаботились «Проблемой 2000», пугая обывателя всеобщим компьютерным Армагеддоном непосредственно сразу же после боя часов с кукушкой, знаменующего начало двухтысячного года от рождения Христа. Как обычно, самыми жадными оказались американские воротилы, которые под невообразимый шум апокалипсических прогнозов, что раздавались из каждого телевизора и радиоприемника по всей планете, выдоили из своего любимого конгресса с сенатом и не менее любимого народа Соединенных Штатов Америки баснословные суммы на решение этой проблемы.

И, конечно, в итоге решили. И не стоит сомневаться, что решили как следует – потому что Армагеддон так и не наступил. И, конечно, глупо теперь задавать вопрос – а существовала ли вообще эта проблема, или ее просто выдумали, как очередной предлог для наживы во всемирных масштабах. Логичным представляется второе, но как там оно по правде обстояло – теперь доподлинно прояснить сложно. И поэтому уж мы точно не будем тратить на это время и силы – тем более, что, слава богу, деньги платили не мы.

В семье Капитоновых все было очень даже на уровне. Андрейка уже ходил в шестой класс элитной частной гимназии, Иван Иванович раздобыл и приобрел привычку покупать для себя одежду (очень дорогие сорочки и галстуки, запредельно дорогие строгие костюмы и умопомрачительной стоимости джинсы, и даже носки с трусами) исключительно в бутиках или за границей, Мария Харитоновна теперь служила почетным консультантом и одновременно руководителем Отдела Революционной Борьбы при штабе Коммунистической Партии, а дедушке подарили деревообрабатывающий цех, чтобы ему на старости лет было, чем заняться. И теперь в услужении у него трудились двадцать четыре человека – все, как один, квалифицированные мастера своего дела и большие умницы. И дедушка теперь вообще не вспоминал о Советском Союзе, поскольку целиком и полностью встал на защиту здоровых капиталистических ценностей.

Кроме того, на имя Андрейки была приобретена еще одна новая четырехкомнатная квартира (аккурат в том же подъезде, что и бабушкина-дедушкина), в которой он имел счастье проживать под присмотром бдительной охраны, нанятой папой Иваном Ивановичем специально для сопровождения сына. Часто вместе с внуком ночевала бабушка, но иногда Андрейка оставался в квартире совершенно один, что, впрочем, не доставляло ему никаких неудобств.

Иван Иванович переехал в собственный роскошный загородный особняк, где иногда его навещала Кристина – правда, весьма редко. Папа любил приговаривать, что, конечно, женщины это хорошо – но особенно они хороши, когда от них можно легко отказаться. Правда, окончательно расстаться с Кристиной Иван Иванович не спешил. И дело было даже не в ее доступности, привлекательности и специфических способностях, а в элементарном собственническом чувстве – при помощи папы девушка уже доросла до должности заместителя заведующего Партийного Резерва и пользовалась бешеной популярностью у высших чинов нового коммунистического движения. И если бы Иван Иванович только намекнул, что, дескать, пришла пора прощаться, как тут же остался бы в одиночестве – Кристину уже поджидал с распростертыми объятиями и вождленным взором Макар Осипович Полукрасный – главный идеолог и правая рука самого вождя БЛИБ-ВпчвН товарища Зарганова. И не только он – но об этом ниже.

Кристина тем временем расцвела, подобно сакуре весной или полевой фиалке в поле. Если четыре года назад она была совсем еще девушкой, которая мало представляла себе жизнь, а только училась лавировать в беспокойном течении проносящихся будней и забот, то сейчас она переродилась в шикарную женщину, полную страстного огня, умудренную опытом и житейской мудростью. И особенно по части мужских желаний. Мужчины были для нее, словно открытая книга. Она читала по их лицам, что они думают, и чего они хотят, так же легко, как Дэвид Копперфильд рвал зубами стальные звенья цепей и выбирался из бочки под струями Ниагарского водопада.

Кристина заматерела, набралась опыта и завела необходимые знакомства. И при случае могла осчастливить своим присутствием и нежным отношением любого мужчину – и совсем необязательно Ивана Ивановича. Он уже не был полновластным ее хозяином, который мог мановением пальца изгнать ее из рая в ад повседневных склок и метаний обычных граждан, далеких от политического Олимпа – она и сама могла за себя постоять. Что отнюдь не означало, что Кристина стремилась уйти от него насовсем: ну, может, так – всего лишь немного на сторону.

Иван Иванович в свою очередь прекрасно понимал, что Кристина ему уже не принадлежит, и вскоре ему придется поделиться ею со старшими товарищами. Впрочем, об этом он особо не переживал, поскольку считал, что она все равно будет при нем – пусть и не полностью. А события развивались своим чередом и вскоре подошли к своему логическому завершению.

Как-то раз высший партактив собрался на охоту – а почему, собственно, и нет? Как говаривал по этому поводу Иван Иванович: «Мы же красные, а вовсе не зеленые, и, следовательно, имеем право на выстрел!», – и все с ним соглашались. Конечно, страсть к охоте старались особо не выпячивать, поскольку создание имиджа страдающих за трудовой народ требовало очень тонкой настройки, и тут любая оплошность могла послужить на руку потенциальным противникам, но пострелять любили и по возможности пользовались удобным случаем.

В общем, колонна коммунистических джипов «Мерседес» и только что появившихся на рынке «БМВ – Х5» выдвинулась по направлению к охотхозяйству. В машинах было хорошо и удобно – досуг скрашивали личные помощники и секретари и плюс немного приглашенных, которые не имели прямого отношения к партии, но зато отличались веселым и легким нравом. Что, конечно, было очень ценно – принимая во внимание нечеловеческую загруженность и упорную повседневную работу мозга думских депутатов и внефракционных лидеров.

Когда колонна прибыла на место, их уже поджидало несколько лесников, которые загодя проложили удобные широкие тропинки к местам выгула лосей, к медвежьим берлогам, обиталищам лис и куниц. А один из лесников даже грозился подарить самому главному гостю рысь – в смысле, пострелять.

Охота задалась на славу – и особенно ее продолжение. Высокие лица палили из дорожных заморских «Ремингтонов» и «Голландов» во все, что видели, и даже несколько раз попали – и это несмотря на постоянные обильные возлияния. Но, как говорится, настоящее мастерство не пропьешь, и поэтому к вечеру на общем столе появилась дичь, которую егеря уже успели разделать и хорошенько поджарить на открытом огне. Гости воздали трапезе должное: они много ели, нахваливали еду и напитки – словом, отдыхали культурно и очень кулуарно – а в целях коммунистической конспирации это было очень даже к месту.

К своему большому стыду в тот день Иван Иванович был не в лучшей для себя форме. У него пошаливала печень, разгулялся желчный пузырь, и болел желудок. В общем, мало приятного. Поэтому участия в вечерней трапезе он почти не принимал и, прихватив с собой Кристину, пошел просто прогуляться – подышать, полюбоваться звездами и насладиться тишиной. Кристине было с ним скучно – но она понимала, что пока еще желание Ивана Ивановича для нее закон, поэтому безропотно следовала за ним или рядом с ним – где позволяла ширина тропинки. Порядком побродив по сонному зимнему лесу и изрядно замерзнув, Иван Иванович

с Кристиной двинулись в обратный путь – к охотничьим домикам, где всюду кипело веселье. Иван Иванович был сильно не в духе – буквально вчера у него вышел нелicenseприятный разговор с БЛиБ-ВпчвН, в котором опять упоминалась Кристина – а именно то, что негоже Ивану Ивановичу одному пользоваться всенародным и партийным имуществом, к коему, конечно, относится и она. И пора бы уже Ивану Ивановичу и честь знать и откомандировать свою помощницу к оставшимся боевым товарищами, которые тоже весьма не против приобщиться к такой нежной и отзывчивой барышне.

Как можно было догадаться, вождь имел в виду вовсе не каких-то абстрактных партийных товарищей, а именно себя. Но поскольку всю свою сознательную жизнь он говорил от лица всех или очень многих – сначала в комсомоле, потом в партячейке в армии, потом – в райкоме, горкоме, обкоме и т. д. – то и здесь не смог отказаться от ставшей для него второй натурой манеры разговора. Но Иван Иванович все понял – а именно то, что времена его эксклюзива на Кристину окончательно прошли. Увы, все конечно в этом мире и переменчиво. И здесь уж ничего не поделаешь! Но ему от этого было не легче – хотя он уже давно был готов к такому исходу событий.

Иван Иванович страдал. Он представлял себе Кристину в объятиях БЛиБ-ВпчвН, и ему делалось дурно. Он представлял, как тот жадной трясущейся рукой лезет ей под юбку и в трусики, и скрежетал зубами. Невидящим взором он рассматривал картины, встававшие у него перед глазами, где вождь надменно приказывает Кристине незамедлительно раздеться и принять покорную позу готовой на все активистки. И тоска накатывала на Ивана Ивановича и раздираала его внутренности подобно пыточным раскаленным щипцам, предварительно смоченным в кипящем масле.

Но более всего его смущало то обстоятельство, что, кажется, в последнее время и сама Кристина только и ждала первой возможности перевернуться на сторону вождя – с недавних пор некоторые нюансы в ее поведении прямо указывали на это. И, будь на месте Ивана Ивановича какой-нибудь штатный психолог из центра подготовки штатных психологов Центра Психологической Разгрузки и Переподготовки вооруженных сил, например, Боливии, то, конечно, он не стал бы в этом сомневаться, но Иван Иванович был не таков. Может быть – по старой доброй привычке, а может, просто так, но ему хотелось видеть в своей избраннице человека верного, преданного лично ему и готового пойти за ним и в огонь и в воду.

И, конечно, Ивану Ивановичу простительны его мелкие заблуждения – а разве может быть по-другому у ответственного лица, всецело занятого важной партийной работой и совершенно не имеющего времени на всякие посторонние глупости и излишние переживания? Вот и Иван Иванович до поры до времени никак не обращал внимания на тот факт, что Кристина ведет себя в присутствии главного по партии уж слишком фривольно – строит глазки, старается прижаться поплотнее при случае, а иногда даже нагибается за документами, случайно упавшими на пол, не сгибая ног. Ах, если бы Иван Иванович раскрывал глаза пошире, то, конечно, конфуза с разговором между ним и главным никогда бы и не произошло! Иван Иванович бы, конечно, пофыркал, попереживал для видимости, да и смирился бы – и не было бы тогда никакой нужды тыкать ему в лицо его беспардонным собственническим поведением!

В общем и целом, выходило так, что с Кристиной (по крайней мере, с монополией на нее) придется расстаться. И на этой почве у Ивана Ивановича, как уже было сказано выше, заболел желудок и все остальное, и разыгралась мигрень. И вот он молча шел по заснеженной тропинке, а рядом семенила Кристина, в душе проклиная старого борова, который потащил ее в лес – в то время как все остальные веселятся и культурно отдыхают.

Иван Иванович словно угадал ее мысли (а, может, и впрямь смирился со своей судьбой) и, после того, как они вышли из леса, отдал ей прямое устное распоряжение присоединиться к остальным, а он хочет побыть один и просто поспать до утра. И побрел к себе в домик, где, не обращая внимания на закуски и напитки, расставленные на столе, еле-еле устало сбросил с

себя одежду и тут же завалился в кровать и мертвецки уснул. Неделя у него выдалась тяжелая, да и, вообще, здоровье пошаливало, и все кругом как-то было не так.

Но покинем спящего Ивана Ивановича и перейдем, собственно, к продолжению банкета – поскольку не дело нам оставаться в стороне от коллектива. Когда Кристина вернулась, охотничьи посиделки были в самом разгаре. Большие партийные чины один за другим, и перебивая друг друга, громкими пьяными голосами пытались травить байки о своих похождениях за зверем и рыбой, вскидывали руки, изображая размеры убитых ими лосей, медведей и даже амурских тигров, строго охраняемых государством, и пили без устали. Сторонний наблюдатель, будь он в это время рядом, сильно удивился бы, сколько могут выпить эти люди. И, конечно, сел бы в лужу. Оценивать их по меркам обычного среднестатистического гражданина было в корне неверно – все они давно прошли школу грандиозных партийных посиделок с размахом и имели огромный опыт, как пить, не пьянея.

Здесь, конечно, все дело было в подготовке к застолью. Перед распитием крепких напитков следовало как можно более плотно покушать, причем, очень жирной пищи – например, жирный плов из баранины, среднеазиатские манты, ну и тому подобное. Тогда человек пьянел гораздо медленнее и мог выпить очень много – и, конечно, все это было хорошо известно всем присутствующим. И ни в коем случае нельзя было пить на голодный желудок! В общем, у старых проверенных партийных ветеранов в плане проведения застолий можно было поучиться – если, конечно, знать их маленькие и безобидные секреты.

Кристина проявилась в самый разгар веселья, а когда партработники сообразили, что она вернулась одна, их настроение – и без того очень оживленное – еще более повысилось, и особенно – у БЛиБ-ВпчвН, который (понятное дело) сидел на самом почетном месте в центре стола и был душой и центром компании. Он повелительным жестом велел всем остальным сдвинуться, а сам усадил Кристину рядом с собой. Тут же в адрес девушки зазвучали тосты – надо заметить, среди них иногда попадались весьма скабрзные – но Кристина не обижалась, а только смеялась вместе со всеми. У главного по партии словно открылось второе дыхание – по части веселого красноречия он превзошел сам себя. Теперь он уже никому не давал открыть рот, и подчиненные, видя такое поведения вождя, вмиг сообразили, что оставшаяся часть вечера будет одним сплошным бенефисом начальника. Все-таки чего-чего, а опыта партийного строительства им было не занимать.

Вечер продолжался, Кристина прижималась к вождю, а он время от времени обнимал ее свободной от вилки и рюмки рукой за плечи. Иногда его рука спускалась ниже – на талию, а иногда и еще ниже – на упругие бедра, которые, конечно, были главным украшением застолья. Кристина чувствовала себя очень уверенно и комфортно – когда нужно было действовать, решительность и женское чутье били из нее галопирующим фонтаном. Она только очень надеялась, что главный (как и все мужчины, впрочем) окажется настоящим собственником, и ей не придется в этот вечер делить ложе еще и с остальными товарищами по партии. Но ее опасения оказались напрасными – видя, насколько вождь разошелся, у остальных даже и в мыслях не возникло попытаться отбить у него Кристину. Ведь субординация во все времена – главная и направляющая сила эпохи!

Через некоторое время из охотничьего домика в свои личные хоромы потянулись уставшие гости. Некоторые из них еле передвигали ноги, а некоторые и вовсе не могли идти самостоятельно, и чуткие помощники и секретари волокли их неподъемные тела на своих щуплых плечах. Как и положено любому настоящему веселью, было выпито все, и пили до тех пор, пока в глазах не потемнеет. Не стал исключением и главный, который, как и положено вождю, выпил больше всех. Что, конечно, было с его стороны довольно непродуманным шагом. Но что поделаешь, даже в самых светлых головах иногда случаются помутнения – и особенно от обуревающих чувств и переживаний!

Вот и главный – не выдержал присутствия Кристины и ее жаркого тела под боком и напился, как последний мальчишка, не соизмеряя силы и пытаясь всех удивить своей удалью и задором! И отключился – причем настолько неожиданно, что Кристина еле-еле успела подхватить его падающее со скамьи тело. Следует воздать ей должное – она с упорством прожженного партийного работника, напрягая все жилы, удерживала его от падения до момента поступления помощи со стороны егерей и разнокалиберных помощников. А когда они подхватили шефа под руки и потащили в его домик, засемила рядом, всем своим видом показывая, что останется с ним до конца. Но он уже не мог оценить ее самопожертвования, поскольку больше напоминал тяжелую деревянную колоду, неудобную для переноски и непригодную для хоть сколько-нибудь вменяемого использования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.